

18+

Ювеналий А. Калантаров

Мехов и мы,
прости
Господи...

Ювеналий Калантаров
Чехов и мы, прости Господи...

«Издательские решения»

Калантаров Ю. А.

Чехов и мы, прости Господи... / Ю. А. Калантаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856114-6

Никто ему не верит, что родился он в XIX веке с девизом: «Даешь Кузькину мать!..» Как это сочетается с «интеллигентной» профессией, преклонением перед Чеховым и Эфросом, с любовью к умным книгам и классической музыке — не знает даже он... Какое-то объяснение можно, наверное, извлечь из того, что ему никогда не везло с тещами... Эту свою книгу считает первой пробой пера перед написанием следующей — «Дважды два четыре», которая получит самую-самую большую премию на конкурсе «Большая книга»... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-856114-6

© Калантаров Ю. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
I. Чехов и мы	8
II. Театральный ломбард	23
III. Театр Сартиры и глас вопиющего	29
IV. Выбранные места из переписки с Президентом	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Чехов и мы, прости Господи...

Ювеналий А. Калантаров

Редактор Андрей Клавдиевич Углицких

© Ювеналий А. Калантаров, 2017

ISBN 978-5-4485-6114-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Светлой памяти
родных стариков
д. Митеньки
б. Катеньки
б. Манечки
и моей Наташеньки
посвящаю*

30 апреля 2009 г. Записка в день её 55 – летия.

Без всякой мысли о приближающемся несчастье: **«Поздравляю! Ты была и остаешься родной – спасибо за все! Мы оказались не подготовленными пройти жизнь без серьезных ошибок – прости за все!..»**

– Как хорошо, что я успел ей это сказать... Но она была уже так далека от меня, что не откликнулась, не захотела, не смогла...

Ювеналий А. Калантаров Чехов и мы, прости Господи

Если нет света – все омрачено;

если нет смиренномудрия – все у нас гнило.

Велик, кто неопустительно исполняет

все, что по силам, но больше его кто со смирением простирается и на то, что выше сил.

Прп. Иоанн. «Лествица»

Из моей многовековой истории жизни с ощущением счастья вспоминаю — Лермонтова, Маяковского, Есенина, Шекспира, Мережковского, Эренбурга, Ницше, Мюссе,

Вийона, Бодлера, Станиславского, Розова, Шоу, Драйзера, Вальтера Скотта, Оскара Уайльда, Мусоргского, Павла Орленева, Чехова, Г. и Т. Маннов, Ибсена, Леся Курбаса, Кулиша, Дю Белле, Эллиота, Шалыгина, Матисса, Смоктуновского, Николая II, Товстоногова, Шевченко, Лесю Украинку, Маркеса, Шукшина, Михаила Чехова, Эдит Пиаф, Голдинга,

Леконта де Лиля, Альбана Берга, Лакишина, Малера, Высоцкого, Эфроса, Бориса Утенкова, Библера, Серафима Бочарова, Алексея Жаркова, Светланова,

Марка Ривина, Друз, Сашу Бардиана, Розанова, Валерия Бухарина, Верочку Клинову, Мажурина,

о. Романа, Клавдию Пугачёву, Скрябина, влад. Тихона,

Людмилу Дубову, Агафонику Миропольскую, Чайковского, Локтева, Алексея Казимировича, Александра Славского, Андрея Миронова, Левитана,

Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Бахтина, Достоевского, Гоголя,

Салтыкова – Щедрина,

Ивана Шмелева, Андрея Платонова, Солженицына, и многих – многих других святых спутников моей многогрешной жизни...

Пролог

Занимаясь долгие годы, не поднимая головы, производством радужных мыльных пузырей (больше ста, или около того, спектаклей), от которых остались, разве что, брызги воспоминаний на сером театральном асфальте, я задумался о книге, как о более существенном итоге, непонятно чему отданной жизни... И вот тогда обнаружил вдруг, что у меня накопилась пара чемоданов всяких записей, мыслей и слов, помогавших мне в своё время, хоть как – то оправдаться перед авторами, артистами и зрителями за свою «творческую» активность... Этого добра хватило бы на два десятка книг – но теперь мне хочется успеть выудить хотя бы

на одну, из этой могучей кучки, да привести в удобочитаемый вид и напечатать себе в подарок и «на вечную память» благодарным потомкам...

I. Чехов и мы

Никто меня не поздравил с Днём рождения Чехова! А ведь это – мой второй день рождения, вернее, первый – поскольку он родился раньше (и, слава Богу, что не наоборот) ... Так что поздравляйте меня, поздравляйте!..

Чехов предлагает нам не сюжет, а мудрость

Что же может стать и должно быть критерием и гарантом существования подлинного искусства? Золотым сечением его качества? Ангелом – хранителем, витающим над его земной жизнью? Как уберечь его живую подлинность от опасностей вырождения и бесплодия?

Наиболее чистый и исчерпывающий ответ на эти вопросы дает своим творчеством и своей требовательной мечтой о подлинном театре Антон Павлович Чехов... Философской мыслью и высокой духовностью, без преувеличения, пропитаны диалоги всех его пьес. И все его прославленные драматические сюжеты, и образы – это не только художественные творения высочайшей пробы, предмет постоянного вождления людей театра и театральной публики, но и напряжённейшие духовные поиски самого Чехова, различные его мировоззренческие позиции в процессе их становления и разрешения, проживаемые им в различных предельных ситуациях, как бы испытываемые в «полевых условиях» живой жизни, но на духовном уровне, всегда тождественном самому автору... Именно этим объясняется эстетическая неисчерпаемость и интеллектуальная многозначность, как будто бы обычных его сюжетов...

Пьеса Чехова – это полнокровный греческий полис, где решаются все вопросы общественного и личного бытия, это целостная модель мира, со своим Небом и Землей, своей Евой, Адамом, со всеми героями библейских и античных времен, с Сократом, не минуя Иисуса, с более поздними героями человеческой истории, включая и нас, грешных... Все персонажи Чехова, не просто живые люди, а равновеликие автору личности, какими бы жалкими они на первый взгляд ни казались... Личности со своей духовной установкой, полноправные участники большого и решающего не только для них, но и для нас диалога с жизнью. Как бы «мал» человек ни был, его опыт жизни, утверждает Чехов, велик, уникален, поучителен и принципиально неотделим от нашего... Сюжет, ситуация, обстоятельства, образы чеховской пьесы могут быть поняты и восприняты на качественно разных уровнях – как бытовые, психологические, эстетические и, наконец, – могут быть осмыслены и прочувствованы как экстремально – философские...

Каждый находит в Чехове, как в жизни, пищу по себе, откликается на ту волну, которую готов принять в себя, находит именно ту опору, в которой нуждается здание собственной жизни, и люди театра в этом отношении не исключение. Чехов экзистенциально отзывчив на любую духовную боль и только бескомпромиссно равнодушен к дуракам и имитаторам по другую сторону рамп, даже если они думают о себе иначе...

Герои драм Чехова, все без исключения, несмотря на бытовую иллюзорность происходящего, находят в нем так называемые «вечные и проклятые» вопросы своих судеб. Но есть в их положении и некая комедийная особенность – испытывая отчаяние и надежду, они ищут спасение, хватаясь друг за друга, ожидают и требуют от такого же, как они, бедолаги, того, что недодала и не может дать им жизнь... Круг трагикомически замыкается – все как в банке

и под стеклянным куполом равнодушных небес, но в какой – то последний момент оказываются у доктора Чехова на теплой его ладони...

Чехову известны все три уровня активности и качества бытия человека: созерцание, познание и действие. Их сочетания и переходы составляют тот драгоценный сплав органики и ритма, который складывается в конечном итоге в динамическую партитуру жизни героя, прошедшего вместе с автором через все уготованные ему сюжетные встречи и испытания, чтобы явить собой человеческому миру ещё один уникальный духовный опыт земной жизни...

Итак, по Чехову, сценическое бытие – есть бытие духовное, а не только «психофизическое действие» (как утверждают эпигоны Станиславского), которое может быть всего лишь материальной летописью бытового хода жизни... Театральное же творчество служит собиранию и концентрации духовной субстанции бытия и воплощению её в сценических формах «жизни человеческого духа» (сам Станиславский!)

Театр Чехова предлагает нам не сюжет, а Мудрость, и главным полем жизненной драмы становится тогда не театральная сцена с артистом, а Сцена Жизни и Человеческая Душа, бытующая на ней...

Как сегодня мы ставим Чехова? Ответ банально прост: как умного и тонкого, но почти бытового психолога с налетом обаятельного чеховского лиризма, даже не приближаясь к его беспощадной глубине и космической духовности, художественно выстроенных им через ход человеческих судеб в галактике того или иного сюжета...

Да, высокая классика – это не театральная иллюстрация, не живые картинки на расстоянии, а вновь зачатая и вынашиваемая в чреве зрительного зала драма живой жизни. Поставить и сыграть Чехова – это значит прочувствовать и выразить глубинные проблемы человеческого существования в потоке обыденной жизни. И быт у Чехова – это тело, плоть и клетка человеческого духа, от чего он бежит и к чему возвращается, как блудный сын. А вместо разыгрывания текста или даже сочиненного образа – обнаженное ожидание и опора на самого себя, единственного...

Да, Чехову нужны режиссер и актеры, прозревающие быт, видящие за ним голую и трагическую правду человеческих жизней, своей и всякой другой... И только тогда это – философский и великий театр, равного которому, как утверждали Брук и Стрелер, нет...

А ещё Чехов напоминает нам о триедином даре подлинного творца – даре духовного существования, духовного мышления и духовного деяния.

Философские и другие уроки классики

Наряду и помимо самовозрождающегося духовного бытия, нас окружает со всех сторон мощнейшая, противоречивая и часто противостоящая духу биомеханика жизни, в которой принимает участие и наш театр. Вся эта грандиозная машинерия, где все краски мира перемешаны, и порой превращены в житейскую грязь, где ничего невозможно спасти перед катком времени и смерти, повергла бы нас в безвыходное отчаяние и ужас – если бы не сама себя возрождающая и продолжающая стихия «живой жизни»...

Однажды меня обокрали, раздели, но, слава Богу, ушел живым из театра, известного своей «дедовщиной», почти каннибализмом... Я оказался вдруг на улице, среди театральной Москвы – зимой, в одних трусах и в чем – то ещё на босу ногу... Меня встретил благополучный человек из соседнего театра – он видел мои иркутские спектакли ещё времен Вампилова – и порекомендовал меня другому известному Мастеру театральных дел, назовем его В. П. П. Серия встреч – бесед в его академическом кабинете мне, изголодавшемуся по работе, показалась нескончаемо бесконечной... Как вдруг среди очень умного о книгах и свободного в выражениях разговора, почти на полуслове, раздался шлепок по столу, и я наконец – то услышал: «Ну, хватит, Калантаров (конечно на «ты» и по фамилии), сейчас ответишь

мне на один вопрос, только не задумываясь, без паузы, и мы решим, давать тебе спектакль или нет...» Я кивнул, что готов, и последовало продолжение: «Отвечай, что ты ждешь от меня и хочешь от этого театра?»... Я не промедлил и мгновения: «Вопрос простой и не требует напряжения – я хочу поставить спектакль в Москве, и так поставить, как я это умею, поставить «на виду», в Вашем прославленном театре, с такими – то артистами, с такой популярностью – это было бы, конечно, то, о чем давно мечталось... Но... но все, что я сказал сейчас, не имеет абсолютно никакого значения – важно не то, что я хочу и жду от Вас и Вашего театра, а то, что ждете и хотите от меня Вы... Я мог бы обозначить одним словом самую горькую проблему, которую я, да и все моё поколение, как крест, несем всю жизнь, и не столько в личном, сколько в профессиональном, творческом плане, и, как ни странно, с возрастом это становится все чувствительней и непоправимей... Это слово, проблема и крест – безотцовщина... Мои желания, хотения – ну что я могу сделать в Вашем театре без Вашего ожидания, желания, разрешения – да ничего... Гораздо важнее не то, что я хочу, а то, что хотите Вы – если Вы хотите и ждете «сына», который мог бы работать по правую руку от Вас, рядом, и с моим приходом подумали: а вдруг это «он», тогда Вы допустите, чтобы проявились лучшие мои качества и возможности... Ведь в Вашем театре, Вы же знаете, я смогу сделать что –нибудь толковое только с Вашего ведома и позволения... Или Вы не ждали и не хотите «сына», а Вам нужен всего лишь очередной презерватив – так вот, в этом случае, я хочу, чтобы Вы знали, что в эти игры я уже вот так (жест «выше головы») досыта и до отвращения наигрался с А. А. Г.»... И я замолчал... Нависла задумчивая пауза с характерным жестом Мастера, будто совершающего намаз, но почему – то одной рукой (суфий?)... И дальше последовало рассуждение, что он никого не боится рядом, что ему нужна... то ли правая рука, то ли левая нога... Что мне нужно поискать какую – то такую пьесу, а не те, которые я уже называл... Я стал искать и предлагать из своих золотых запасов (как – то подсчитал, что мне нужно примерно 700 лет, чтобы поставить все, что я уже сегодня хочу, или захотел бы завтра) ... Долго и неспешно обсуждались мои новые названия... Через месяц – другой, когда число их дошло до 5 – ти, мне вдруг предложили неизвестно откуда и почему возникшее б – е название... И я понял, что если не соглашусь, то так ничего и не поставлю... Я стал читать и вчитываться в «б – ю» пьесу, чтобы открыть в ней такое, что захотелось бы и полюбилось, и, к радости своей, – открыл и полюбил... Но... но перед тем как приступить к своему спектаклю, я помог Мастеру поставить его спектакль... Потом он меня отблагодарил тем, что помешал сделать мой... Было очень стыдно за своё беспомощное положение перед замечательным сценографом, которого спровоцировал и подбил пойти в интересный поход... Я уже не говорю об артистах и зрителях...

Почему – то я не ставлю себе целью взглянуть на классику во что бы то ни стало «по – новому»... Пусть этим занимаются школяры и фокусники от театра со всей их обслуживающей критической челядью, дружно гоняющейся за «оригинальностью», будто за бантиком на собственном хвосте...

Их самозабвенные вращения волчком с редкими остановками для почесывания за ухом, достойны жалости... и изучения, как феномен дурной диалектики сознания, замкнувшегося на самого себя, забывшего вдруг и навсегда «об образе и подобии своем», о самой возможности выхода из порочного круга «самодогоняния» и «обгоняния» к ценностям и целям, давно уже открытым и созданным до нас и которые мы призваны хранить и возвращать, себя возвышая этим служением...

Хочу не «взглянуть» как –нибудь эдак, чтоб «удивить и понравиться», а, как это ни покажется банальным, всего лишь увидеть, обнаружить и хорошо рассмотреть те сокровища и кладовые, которые завещали нам великие драматурги, доверчиво полагаясь на нашу духовную зоркость и способность принять бесценный дар, не оскорбляя его тяжелым низкопоклонством или мальчишеским легкомыслием...

Как же уберечь живую подлинность классики от опасностей вырождения и бесплодия – будь то импотенция слепой бытовщины или театральное циркачество с подниманием надутых слонов и укрощением картонных тигров?..

Что же происходит сегодня в нашей театральной реальности с классикой и классиками?.. Общение с ними чаще всего не выходит за рамки сугубо личных впечатлений или общедоступных мифологем, даже когда мы систематизируем и облакаем их в конструктивную и образную форму – и, гордые собою, с этим приходим в театр...

Итак, мы настаиваем на том, что кроме внутренне осознаваемого посвящения, индикатором которого может быть лишь собственная человеческая и художническая совесть, если она, конечно, есть, необходимо дерзостное желание вести диалог с Поэтом на равных, но, не роняя его до себя частного, а вырастая до него всеобщего, до уровня его высокого мышления о Человеке в космосе и о Космосе в человеке... Правда, чаще всего встречается дерзость без опознавательных знаков «посвящения», и тогда происходит грубая, и, я бы сказал, тайная подмена «исповедально сознаваемого призвания» дутым и жестоким самозванством, которое чаще всего и правит сегодня театральный бал под демагогическим покровом якобы творческих прав...

Легко пройти мимо бесспорной и простой, на первый взгляд, истины о соответствии, увидев в ней только умозрительную и необязательную очевидность – они, мол, все такие, великие гении, что ни слово, то о вечности и на века, ну, а с нас что взять... И бес поражения – тут как тут...

Итак, драматический спектакль, драматический артист... увы и ах!.. Конечно, во все времена, даже в такие, как наше, когда упадок театра стал как бы общепризнанным фактом, в театрах работали талантливые люди и порой в оценке современников достигали выдающихся результатов. Но отнюдь не всегда и не все из этих «победителей» становились действительными «властителями дум»... Мы помним, какой бурей признательности и восхищения были окружены в своё время Художественный театр, Ермолова, Комиссаржевская, Мейерхольд, Павел Орленев, Михаил Чехов... И совсем ещё недавно – Товстоногов, «Современник», Эфрос, Любимов... Чтобы обрисовать масштаб и качество подобного театрального события, когда оно действительно происходит, а не имитируется, достаточно привести хотя бы одно, а при желании можно найти десятки ему подобных, замечательное свидетельство – Блок вдруг заметил как – то, что «Комиссаржевская была тогда духовной любовницей всей интеллигентной России»... Да, была такая страна, и в ней, как в «Греции», все было...

«Итак, я на полпути, переживший двадцатилетие. Пожалуй, загубленное двадцатилетие между двух войн»... В ту пору, ещё потрясенный открытием поэзии Элиота, я спросил, в промежуточном каком – то разговоре, у Каролины (К. Блэкистон – известная английская актриса театра и кино, участница моего «Вишневого сада» в Таганроге) спросил о его пьесах, так и не переведенных у нас до сих пор, и узнал в ответ, что Каролина ещё девочкой здоровалась с ним за руку, когда Томас Стернз Элиот приходил к её дяде, известному литературоведу, с которым был дружен... Я подождал ещё немного и, не дождавшись продолжения, притронулся к «той самой» руке Каролины и благоговейно замолчал... Чуть позже, после моего беглого упоминания имени Ницше, я узнал, от нее, что он был «фашистом»... Эти замечательные подробности надолго удовлетворили мою любознательность...

Каролина Блэкистон – на удивление опытная и умелая актриса, в репетиционном зале и на сцене – трудолюбива, дисциплинирована. И работа с ней доставила мне исключительное удовлетворение... Но Артист, он и в Англии – артист, со всеми очаровательными достоинствами и особенностями, присущими только ему... Конечно, каждый раз мечтается о полном и взаимном понимании – но это уже о надеждах и иллюзиях, на которых зиждется профессия режиссера...

Пользуясь случаем, хочу объясниться в любви к артистам Таганрогского театра, с которыми прожил, единой семьей, пять счастливых и мучительных недель, не расставаясь ни на день... Тогда я окончательно уверовал, что лучше русского артиста может быть только русский артист.

Чехов и В. Соловьев: скрытый диалог

(Ненаучные размышления)

«Скрытый» – дважды: в силу принципиальной невысказанности и недосказанности самой природы художественного мировоззрения (со стороны Чехова) и ввиду отсутствия даже намека на факт содержательного общения и каких – либо интеллектуальных отношений между этими выдающимися личностями, почти сверстниками...

Они, конечно, не могли не знать друг о друге, были знакомы и, наверное, общались, и кое – какие косвенные свидетельства тому есть, но испытали ли они хоть какой – нибудь интерес, и оказали ли хоть какое – нибудь влияние друг на друга, пусть даже одностороннее, неосознанное или временное? Почему не раскрыта эта тайна? Не в силу ли традиционного невнимания к философскому измерению творчества Чехова и сугубой сосредоточенности на социально – бытовой, психологической и филологической стороне его произведений? Что же в таком случае подвигло меня сблизить эти имена и задаться вопросом о скрытом диалоге? Отдаю себе отчет, что поступаю так, как бы вопреки их воле, их собственному пониманию необходимости в сближении...

Когда мне, лет 30 тому назад, впервые «открылся» Чехов, в моих режиссерских записях, и частично в памяти, сохранились кое – какие «основополагающие» мысли, догадки, которые я назвал тогда «постулатами», потому что именно с них началась моя «чеховская геометрия», развившаяся впоследствии в целую систему теорем и способов решения практических театральных задач, включая расшифровку сюжетов, новую технологию режиссерско – актерских отношений и etc. Когда же, после известного исторического перерыва, напечатали В. Соловьева, и он, наконец – то, дошел до меня, грешного, а это случилось через несколько лет после первой моей чеховской постановки – я поразился сходству внушенных мне Чеховым мыслей и тех основных идей, которыми дышит вся философия Соловьева – сходству не только внутреннему, духовному и тематическому, но и почти буквальному, дословному... Попробую вновь пройти по старым следам этих удивительных совпадений...

Чехов вслед за Достоевским и Соловьевым почитал чистоту, святость и красоту материи, «тела Божьего»... Но Чехов идет дальше, чем это позволяет его предшественникам традиционная религиозность – его «идея всеединства», не теряя глубины и универсальности, отличается от соловьевской и проявляется в другой субординации отношений человека и природы – он видит в природе воплощение «человеческого» совершенства, чистоты и терпимости, признает и утверждает духовную первичность природы, и только ею проверяет и измеряет самого человека. Именно из этого исповедального начала произрастает, опережающая время и так властно овладевающая нашим сознанием и воображением «экология» чеховского творчества. Не мудрствуя лукаво и не впадая в писательское философствование и богословие, Чехов пришёл к отказу от традиционного человека – центристского художественного мировоззрения в пользу природы, видя в ней последний шанс человека – спасти и сохранить себя...

Любовь, согласие, тяготение к природе и несовпадение, отпадение, муки блуждания вдали от её простоты, чистоты и надежности, «загрязнение» ее, в прямом, физическом и переносном, социальном и психологическом смысле, бездумное и хищническое отношение к природе «вокруг», безнадежно – бездарное отношение к природе «в себе» и «в других» – бесконечный чеховский рассказ о том, как «божественный» план рождения и жизни «ещё одного» человека вырождается в ещё одно человеческое несчастье...

Провозглашенный позитивистской наукой и обожещаемый базаровыми (фамилия – то какая!) «объективизм», самонадеянный принцип отделения и независимости человеческих дел от человеческого Бога, оставили людям свободу и ответственность, меру которых они оказались не способны ни выдержать, ни осознать. Робкие когда – то идеи «человеко – божества» уже начали во времена Чехова и В. Соловьева проходить массовую социальную и политическую «обкатку», и их пророческий слух чутко уловил подземные раскаты надвигающейся беды...

Противостоя воинственному материализму, столь модному тогда в кругах либеральной интеллигенции, нравственный пантеизм Чехова во многом солидаризируется с «всеединством» Соловьева и как бы соревнуется с ним в миролюбии и терпимости. И как это ни трудно представить, но Чехов оказывается ещё шире и универсальнее Соловьева, потому как обходится без диалектических крайностей и спекулятивных экскурсов сознания, которые так или иначе с неизбежностью возникают в ходе философской полемики и профессионального стремления «завершить и исчерпать» свою мысль... Реальная, практическая, жизненная философия выражается более поведением и поступком, чем рассуждением и словом, и потому ближе и доступнее художественному описанию и истолкованию, нежели философскому. «Мощь идей и идеалов» и присущая им самовлюбленность и самонадеянность, с какими бы благородными намерениями и в каком бы обрамлении они не выступали, подвергаются Чеховым реальным испытаниям и оценкам, выводятся им на поле земной жизни... Думается, его принципиальный антифилософизм и стал одной из главных причин органической несовместимости с «учением» В. Соловьева, несмотря на все интеллектуальное и духовное родство и возможности сближения...

Вся русская интеллигенция второй половины XIX в. переболела так или иначе новомодными материалистическими теориями, посыпавшимися вдруг с Запада разноцветным серпантинном идей, имен, учений, «переосмысливающих и преобразующих» мир – переболели, кажется, все, даже юный Соловьев, все, кроме Чехова. Защитила, должно быть, каким – то чудом сохранившаяся в молодом провинциале иммунная система – как бы там ни было, своим жизненным путем и творчеством он обозначил золотую середину между «либеральным» экстремизмом и консервативным «идеализмом» того времени, решительно отсекая все крайности полемических страстей и мыслей, и явил миру небывалый феномен меры, такта и мудрости. И тем преподал урок, который и сегодня не теряет свой универсальный смысл, чем и объясняется, в первую очередь, непреходящий интерес к его творчеству в современном мире...

Мироотношение Чехова, писателя и человека, лишено какой – либо показной набожности и религиозной риторики, но остается, тем не менее, по внутреннему существу своему глубоко христианским, бережно и тайно сохраняет духовное и душевное родство с истинным православием, с его милосердием, кротостью и стойкостью... При этом нельзя не заметить его человеческого и духовного сходства с некоторыми явлениями мировой литературы прошлых времен – такими, как Экклезиаст, Сенека, Марк Аврелий, Монтень, Паскаль... Такое «двойное» и глубокое родство делает Чехова почти универсальным мыслителем и предельно открывает его для художественного творчества, высота которого, если она достигается, уже не нуждается в догматах... «Без любви к природе нельзя осуществлять нравственную организацию материальной жизни» – эту мысль В. Соловьева можно было бы назвать высшим «экологическим» императивом Чехова, давшим множество всходов в его творчестве.

«Ложная цивилизация» обнаружила себя в материально – техническом прогрессе и духовной деградации людей – эти апокалипсические ножницы, в которые попало человечество, начали приходить в движение уже при жизни Чехова и В. Соловьева, и их «катастрофизм» объясняется прежде всего этим. Он неизмеримо шире и глубже модных тогда мотивов «конца света», его нельзя объяснить, исходя из субъективных или узко исторических причин – он порожден высшей мировоззренческой интуицией и несет в себе заряд пророческой силы, актуальной и в наши дни...

Чехов – не «гуманист», в привычном «ренессансном» значении этого слова. Он никогда и нигде не обожествляет, не идеализирует и не славит «человека» (ни с малой, ни с большой буквы). Чехов делает для человека гораздо больше – он его понимает, жалеет и лечит. Но диагноз его беспощаден – он видит в человеке каиновы черты «отступника» от природы и, как философ естествовед, констатирует его прогрессирующую деградацию и, сознавая всю проблематичность спасения этого закоренелого «злоумышленника», продолжает неустанно выписывать ему единственно возможный рецепт выздоровления...

Чехов одним из первых открыл и описал «бытовую» трагедию человека, не доросшего до вечных и мудрых законов Бытия, и потому обреченного на близорукое и сутяжное времяпровождение жизни... Самая большая загадка и заслуга Чехова в том, что он избежал собственной гордыни в отношениях с людьми и в творчестве. Он заменил броню и щит гордыни стоическим удалением и отделением духа и высших интересов своих от всех «базарных» соприкосновений с жизнью. Чеховский индивидуализм, не говоря уже о его «редкоземельности», не имеет равных себе в своем абсолютизме – он дистанцируется настолько, что становится недостижимым, и тем как бы освобождает поле жизни для всех остальных. Его индивидуализм загадочно и мягко излучает свою предполагаемую противоположность и мирно и плодотворно сосуществует с высокодуховным и житейским альтруизмом. Природа его беспримерной доброты и деликатности в том, что он исключил дележ и сутяжничество из своей жизни и ушел из нижних, коммунальных этажей её туда, где просторно и несуетно, относясь ко всем без исключения «нижним» жильцам, как к младшим братьям, нуждающимся в снисхождении и помощи. Эта идеальная этика врача-исцелившего, прежде всего самого себя, переросла рамки личности и профессии, и распространилась на все поле жизни и творчества Чехова... Он хорошо изучил все обманные, чертовы, так называемые «диалектические» игры человеческого сознания – категорически не доверял им и выводил именно из них многие индивидуальные и общественные беды и проблемы. С полным правом ему может быть отведена честь открытия и утверждения в человеческой жизни великого «принципа дополнительности», сформулированного много позже в естественно – научной философии Нильсом Бором – принципа, из которого с неустанной последовательностью выводит Чехов свое, крайне несвоевременное тогда, да и сейчас тоже, требование несуетливости и терпимости человеческого общежития...

Идея каждого конкретного человека существует у Чехова в двух измерениях – в сознании самого человека, во внутреннем сюжете его жизни, и в понимании его «со стороны и сверху», как бы на паспарту самой Вечности или, лучше сказать, вечной Природы. «Сущность человека дуалистична, амбивалентна, антиномична» – это Божественный факт или фикция сознания?... Ответ на этот вопрос получает разное освещение у Чехова и В. Соловьева, но первостепенная важность его для них безусловна – именно он определяет масштаб и глубину всех остальных человеческих споров, бесконечных поисков решения и сопутствующих поискам и всегда опережающих их заблуждений...

Соловьевское «освобождение от рабства страстям и от ограниченного человеческого самолюбия» можно признать репликой согласия и солидарности со знаменитым чеховским «выдавливал из себя раба». Но уникальная гуманность Чехова выводится не из «человека» или его «понимания» Бога – она, если так позволено будет выразиться, естественно – природна, то есть чисто физична и чисто духовна в своих истоках и потому может быть признана подлинно «религиозной». Он – принципиальный противник всяких мифологизаций и идеологизаций человеческого сознания, прошлых и будущих, религиозных и политических, личных и исторических. Чехов в этом отношении, хотя это и трудно вообразить, шире и свободнее даже В. Соловьева. Его «универсальная» религиозность стремится быть вне человеческой истории, её больших и запутанных «сюжетов» сознания, вне её признанных догматов и авторитетов. Его абсолютная субстанция, то есть Бог, как бы растворяется в человеческом и природном мире,

одухотворяя его или обнаруживая его несовершенства, говоря голосами его вечно – временных сущностей...

Отчуждение Чехова от слишком остро, исторически или социально, конфессионально или мистически, сориентированных писателей и философов его времени, свобода и глубина его мышления сопряжены с уникальной независимостью от современных ему направлений и всех «измов», традиционных и модных вероучений и теорий. И в этом особенном смысле Чехов – первый настоящий «еретик и язычник» современной культуры, избежавший соблазнов и тавтологий её бесконечных модернизаций, глубоко лично и полно переживший христианство, обогатившийся им и вернувшийся из его исторической школы – Церкви в природу, но в Природу – как в Храм...

Наличная духовность человека, бытие его духа, сущностная глубина каждого личного проявления и всей суммарной человеческой реальности – все, что составляет и содержит нашу внутреннюю текущую жизнь, не в этом ли большой секрет чеховской драматургии? А в случае незнания или забвения духовного измерения – не в этом ли причина всех театральных поражений?..

«Органичное мышление» Чехова сочетает в себе полноту всецелой истины сюжета и отдельных персонажей, подразумевает взаимную их выводимость друг из друга и внутреннюю парадоксальную взаимосвязь. Его художественное мышление – глубочайшее взаимопроникновение двух реальностей – преходящей и вечной, сугубо частной и универсальной в едином сюжете жизни всечеловеческого «организма», как в притче, где индивидуальное – вечно, а вечное – преходяще... Онтологические и гносеологические интуиции Чехова, в которых, повторяем, заключается главная загадка его художественной глубины и покоряющей силы, перекликаются с параллельным миром философских воззрений В. Соловьева и вступают с ним в по – чеховски не декларируемый, скрытый диалог...

В. Соловьев, в свою очередь, никогда не был «чистым» философом – не говоря уже о его стихах. Поражает воистину художественный размах его мышления, широта и яркость взглядов, не укладывающихся в привычные рамки философских систем и направлений, сложившихся конфессиональных и национально – исторических мифов... «Полная реальность человеческого Я» у В. Соловьева и самооценочность любой человеческой личности у Чехова, как бы ищут и дополняют друг друга, существуя в разных измерениях. Оба обнаруживают внутренний трагизм в разделении «личного», «человеческого» и «бесконечно общего», восстают против «свободы» субъективизма, эгоцентризма, выведения мира «из себя», приходят к неизбежному ощущению трагизма и катастрофичности жизни, необходимости и обреченности в ней Добра...

Катастрофизм позднего Чехова, времени «Вишневого сада», и позднего В. Соловьева, времени «Трех разговоров», питался эсхатологическими предчувствиями и мучительными ощущениями надвигающейся «пропасти распада» всего строя жизни, всех её исторически сложившихся и выработанных русской культурой понятий, норм и правил. Они умерли раньше того мира, в котором они родились и жили, всего лишь на два – три исторических мгновения. С болью всматривались Чехов и Соловьев в уже искаженное судорогами лицо реальности, пытались понять, поставить диагноз, и хотя бы предупредить о надвигающейся беде – они это сделали, и были услышаны, но, к сожалению, немногими, и ничто уже не могло предотвратить всеобщего исторического крушения.

О культуре высокой театральности

Поскольку я – не теоретик, не обещаю вам размышлений, упорядоченных, как это принято, в некую систему взглядов на нечто, и прочее... Хорошо, если мне удастся совладать

с некоторыми наблюдениями и догадками, обладающими скорее личной, нежели общепрофессиональной, ценностью...

В наше время, далеко, как известно, не романтическое, когда духовные потребности человека тонут в пучине его материальных и грубо прозаических забот, вырисовывается крайнее и спасительное стремление проакцентировать именно духовные, идеальные, высшие проявления жизни человека и его искусства... Пришла пора и нам вспомнить и всмотреться попристальнее в известную формулу Станиславского, выражающую высшую цель сценического творчества, а именно – «жизнь человеческого духа»... Вдумаемся же в эти слова, попытаемся проникнуть в их буквальный, первоначальный смысл – не утверждает ли он недвусмысленно, с категоричностью императива, примат именно духовных ценностей над всеми другими (социальными, моральными, эмоциональными и пр.), не обозначает ли не только направление и цель нашей работы, но и качество, и уровень ее...

Даже умное и честное изучение пьесы, самое старательное каталогизирование её обстоятельств, и самозабвенное следование «лучшему в мире» театральному методу без признания духовного приоритета и ведущей роли художественного воображения привели, в конце концов, театр на грань эстетического и духовного вырождения. Пьеса, и классическая в том числе, стала лишь поводом для сценической интерпретации в формах и понятиях обыденной жизни, с неперемной, конечно, «сверхзадачей», политически и социально венчающей т. н. реалистические усилия, т. н. творцов... Понимание тупиковости подобной установки толкает впоследствии бунтарей против неё к эстетическим экспериментам и формотворчеству, порой переходящими в театральную аферу, где содержательные цели искусства чаще всего отбрасываются как якобы скучные и дискредитировавшие себя, и подменяются теми или иными режиссерскими играми в «театр», доведенными стараниями отважных экспериментаторов до суперэффективной выразительности, успешно прикрывающей внутреннюю пустоту и бесплодие. И воображение, оторванное от своих духовных корней и целей, становится манкуртом в руках умелых манипуляторов, лихо и незаметно подменивших сущностное Бытие искусства на броскую и яркую демонстрацию его Небытия...

Не кажется ли вам, что театральное дело, особенно когда оно соприкасается с классической драматургией – это некое искусство возвращения к жизни, своеобразное искусство реанимации?.. Но что бы красивого ни говорили о «вечных спутниках человечества», они – Эсхил, Шекспир, Чехов – остаются все же за кулисами общего духовного бытия или возвышают сердца одиноких поклонников, если театр не принял хоть одного из них в своё живое лоно, не поделился с ним своим дыханием, кровью, плотью, чтобы Он ожил и, словно та свеча, «светил всем в доме»... И только так и тогда происходит, совершается чудо, чудо явления Классика народу, духовное событие в жизни того или иного поколения... Искусство «духовной реанимации» предполагает не только глубокую общепрофессиональную подготовку, включающую все разнообразные театральные знания и умения, но и, прежде всего сугубо личностные качества, питающие благородную и милосердную энергию спасения, роднящую театральное дело с божественными деяниями Творца. Конечно, полезно при этом не забывать, что воскрешению и воссозданию подлежит не тело, а душа Классика, его «духовное послание» человечеству, которое не выражено впрямую в тексте, как нам, грубиянам, иногда кажется, а всего лишь зашифровано в нем. И не просто найти ключ к тайнописи. И ключ этот, как ни обидно, дается не многим, почему – то лишь посвященным да избранным. И даже не «дается» – он находится, или не находится, в самом соискателе авторского посвящения. А ещё точнее, соискатель сам должен к моменту встречи стать искомым ключом или вынужден будет отступить или прибегнуть к отмычке, чем и занимается большинство из нас, всего лишь выдавая себя, с помощью критической обслуги, за избранных и посвященных...

Что же надо для того, чтобы стать и быть тем, кого ждет Классик?.. Если уж решиться отвечать на этот провокационный вопрос по существу и попытаться обойтись минимумом

слов, то ответ будет таков – надо соответствовать, то есть обрести в себе и прочувствовать право стать вровень, дерзнуть быть равновеликим, конгениальным – да, да, вот так, всего лишь... И разговор тут идет, заметьте на всякий случай, не о дипломе, тарификации, даже самом – самом высоком звании, а только о самых интимнейших и тонких связях нас, грешных, с теми, кто воистину «не от мира сего», о самых неотклонимых чувствах своей причастности к ним и своего призвания – быть и соответствовать... И зря мы станем утешать себя тем, что мысль об избранности – кокетливый домысел, а не все решающая догадка... Как ни странно, Классики – эти провидцы, пророки и духовные великаны человечества – не страдали грехом высокомерия, они жили для нас и поэтому были божественно великодушны – они и при жизни хотели, чтобы их поняли и поверили им, они и при жизни обращались к нам, любили в нас равных себе, иначе как они могли бы надеяться на взаимность, на наше понимание, так жаждал его... Не их вина, не их вина... Многие не дождалась, и все же они не уносили с собой эту надежду, но оставляли, завещали её нам... И она до сих пор ждет нас в их книгах, в их пьесах для театра... И вся история драматической сцены является, по сути, описанием неудач и счастливых попыток возрождения Авторской надежды на признание, воплощением Его страстей и духовности в живой стихии сцены, в конкретных творческих усилиях людей театра, дерзающих встать вдруг иногда вровень с гениями прошлого, чтобы обрести хоть на время свой человеческий рост...

Не желая пополнять собою отряды ловких и услужливых театральных портняжек, которых и без нас хватает, скажем, со всей детской прямоотой и резкостью, у сегодняшних театров отношения с Классикой складываются, ей – богу же, трагикомически – почти все наши режиссеры, от мала до велика, несмотря ни на какие звания и критические возвеличивания, на встречах с Классиками обнаруживают прямо – таки всестороннюю личностную и профессиональную несостоятельность – культурную, духовную, интеллектуальную... Они встречаются с большим Мастером как культурные и духовные карлики – и, попрыгав вокруг его ступней и побегав между его ног, возвращаются довольные собою к нам, и рассказывают (одни искренне и даже интересно, другие – не очень, но это ничего, в сущности, не меняет), гордо рассказывают все, что они увидели... с высоты... комичного своего положения.

Следует ли все эти рассуждения понимать так безысходно, как может показаться с первого взгляда?... Отнюдь нет... Сказать себе Правду, как она открылась, о сегодняшней нашей несостоятельности во встречах с высокой драматургией – значит прояснить и этим уже начать решать проблему нашего соответствия великому классическому наследию по всем возможным параметрам и направлениям, включая экзистенциально – личные и социально – культурные... И чувство ответственности каждого «театрального деятеля» может сыграть в этом процессе восхождения к Классике не последнюю роль... И пусть быстрее придет на помощь к нам, театральным материалистам, философия театра, с её высоким идеализмом, как возможность более глубокого самосознания и выхода на новый уровень нашего духовного и интеллектуального суждения об общем нашем театральном деле, как избавление от эмпирической близорукости и частоколов бесконечной конкретики, за которыми мы давно уже перестали видеть высокий лес «жизни человеческого духа»... Ведь философия – это не общая для всех маска умника, а радующая и удивляющая театральная одухотворенность и вдохновляющая глубина мысли, обогащающая художественные открытия и виденья этого неисчерпаемо суетного и Божественно единого Мира.

Post scriptum

Конечно, каждая творческая индивидуальность, её мышление и опыт – уникальны и принципиально неповторимы... Но есть и общие основополагающие истины и ориентиры, которые или сближают художников, или разводят их в разные стороны... Думаю, именно так

надо понимать негласно растянувшийся на годы и поучительный для нас спор между Станиславским и Мих. Чеховым о роли воображения и фантазии в творческом процессе... Предлагаемые или всё – таки «воображаемые» обстоятельства? Так можно в краткой форме выразить существо спора...

М. Чехов увидел в игнорировании творческого воображения, в вялой его акцентировке, как бы отмену обязательности выхода театра из литературного текста в другое, творческое и духовное, измерение, и в этом – существеннейший недостаток и опасное отклонение Системы в целом... И, как показало дальнейшее развитие театра в эпоху «строящегося», а затем и «развитого» тоталитаризма, М. Чехов оказался дальновиднее своего Учителя...

Общеизвестно, что всякой геометрии предшествует тщательнейший отбор непререкаемых истин, т. н. постулатов, и физическая вселенная Ньютона или Эйнштейна покоится на нескольких основополагающих законах – не так ли обстоит дело с системами Станиславского и Брехта? Или с театральной вселенной А. П. Чехова?..

Утверждаю, что, подобно учению Сократа в диалогах Платона, диалогах Кьеркегора и т. д. – учением, философией, высоким интеллектом и духовностью Чехова пропитаны диалоги всех без исключения персонажей всех его пьес... Драматургия Чехова лишь кажется созданной для простаков, милых и лиричных – на самом же деле, она вся соткана из сложнейших феноменов и трагических парадоксов человеческих жизней, насквозь и бездонно загадочных, и... поучительных... При всем при этом, чеховские сюжеты и диалоги исключительно и уникально обманчивы – как белый свет, что в силу своей абсолютной полноты, кажется бесцветным... И только театральная призма, да не любая, а специальная, умная и умелая, обнаруживает вдруг весь спектр его многоцветного богатства на радость зрителю...

А диалог т. н. «предлагаемых обстоятельств», сугубо сюжетно и психологически понятых, и выявляемых через диалог «конкретного» общения и «прямого» словесного действия, всего лишь куски и крохи с роскошного хозяйского стола внутренней **сосредоточенности** и широко размышляющей человеческой **сущности**, задолго до этой физической минуты, включенной в трагический круг бытия...

Удручающая относительность и случайность всякого чисто «событийного» общения персонажей или дополняется многочисленными обертонами глубинного духовно – личностного бытия, или чеховский сюжет выхолащивается до уровня бытовой частности, выходит из художественного измерения и растворяется в общежитейской суете и бессмысленности, граничащей с энтропией... И тогда приходит импотенция слепой бытовщины, стаскивающей любого гения с любых небес, и разменивающей его на копейки, или театральное циркачество с подниманием надутых слонов и укрощением картонных тигров под аплодисменты простаков...

Сюжеты Чехова – чем и объясняется долговечность его пьес – как бы продолжают и сегодня свою жизнь...

Наряду и помимо самовозрождающегося, слава Богу, духовного на Земле бытия, нас окружает со всех сторон мощнейшая и всегда противоречивая и часто противостоящая духу биомеханика жизни, в которой участвовали все предыдущие поколения, начиная с Адама, участвуем все мы, грешные, и наш театр, в том числе... Вся эта грандиозная машинерия и свалка времен, где все краски мира перемешаны и порой превращены в житейскую грязь, где, казалось бы, ничего невозможно спасти перед катком времени и смерти, повергла бы нас в безысходное отчаяние и беспросветный ужас – если бы не сама себя возрождающая и продолжающая, несмотря на бешеный натиск и горькие потери, почти равновеликая силам энтропии стихия «живой жизни»... Убегая от апокалипсического катка и принося неисчислимые жертвы, жизнь, как из горящего дома, уносит с собою все самое дорогое, без чего не может продолжаться и сохранять себя – детей и книги...

Не выполняет ли многотрудная духовная работа, которой вот уже века и века занимается «живой» и подлинный театр, обращаясь к **классике**, то великое воскрешение **отцов**,

то **общее дело**, которое, по Н. Федорову, призвано объединить и вывести из тьмы человечество?..

Книги – духовных наших **отцов**, без которых не обойтись, не выжить, и которые, люди называли священными или, в более широком и мирском контексте своей культуры, **классикой**, что, по сути, одно и то же... Ибо, если не приравнять к Христу и другим великим Учителям человечества, то хотя бы «уподобить» и приобщить к их числу Гомера, Леонардо, Моцарта, Шекспира, Пушкина, Чехова и других великих пришельцев из духовного космоса – не только справедливо, но и естественно, и необходимо для нашего спасения...

Детей – мы сейчас оставим в стороне, и не потому, что с ними проще или благополучнее, увы, это не так... Продолжим разговор о том, о чем уже начали и что почти никого не интересует в наше буйное время – о **классике** и театре, но... после некоего лирического отступления...

Это было в неправдоподобно давние времена середины прошлого века... Студенты радиофизического и физико – математического факультетов Харьковского университета стали вдруг свидетелями одного из приездов легендарного Ландау в город, в котором он когда – то в молодости работал и преподавал... Амфитеатр старейшей и знаменитой, со времен Мечникова, общеуниверситетской, а тогда уже «ленинской» аудитории, был забит под потолок, ждали, долго ждали... И вот он вошел, стремительный, красивый, 50 – летний, в окружении известнейших харьковских профессоров и академиков, которые (о, Боже!) стали вдруг стайкой влюбленных и счастливых мальчишек, разве что не прыгающих вокруг своего веселого бога, своего короля и кумира – мы не узнавали наших, ещё вчера неприступных олимпийцев, грозных лекторов и экзаменаторов...

До рокового случая Ландау прожил ещё несколько лет – потом были многотрудные усилия спасти его жизнь, увенчавшиеся, в конце концов, успехом... Но все, видевшие его «после», говорили, что это был уже «не тот» Ландау... Было продлено физическое его существование, но искрящаяся гениальность этого талантливейшего жизнелюбца и умницы навсегда ушла в прошлое... Ландау и сейчас «существует» – для кого – то в личных, ещё воспоминаниях, для остальных – как некий нобелевский миф, не более того... И только для посвященных, способных понять и принять в себя творческий дух, научный и человеческий уровень Ландау, открывается источник гениальных идей и вдохновения в его исключительной личности...

Не так ли, увы, и с **классиками** – мы иногда вспоминаем их, и наше общение с ними не выходит, чаще всего, за рамки сугубо личных впечатлений, традиционного почитания и общедоступных мифологем, даже когда мы систематизируем и облакаем их в конструктивную и образную форму – и с этим приходим в театр?..

Возвращаясь к главному сюжету наших рассуждений, мы ещё раз напоминаем себе о необходимости не только не забыть и взять с собою, но и с максимальной духовной глубиной воспользоваться спасенным, оставшимся нам в наследство богатством...

Чем же эти наши «воспоминания и впечатления», и даже привычное «образное мышление», отличаются от подлинного проникновения и обладания духом **классика**? Чем же отличается от всех остальных «посвященный»? В чем его «сезам, откройся»? его «большой секрет»?.. Мы утверждаем, что все зависит от наипростейших вещей – от того, кто именно, а, следовательно, с какими намерениями и меркой, и на каком уровне подходит к **классику**...

Вы можете спросить, чем вызвана такая избирательность, закрытость и полное отсутствие демократии? С нашими – то классиками, такими родными и, спасибо истории, общедоступными, с которыми со школы мы «на дружеской ноге»? А я отвечу вам, пусть это будет новостью для всех, привыкших к фамильярности – так **они** решили... Решили – то ещё вчера, но не все, имеющие уши, услышали и поняли... И это, представьте себе, – **данность**, с которой мы вынуждены считаться, если хотим иметь с **ними** дело, я бы даже сказал, **общее дело**... И обижаться тут не на кого, разве что на себя – что ты не тот, кого он, **классик**, ждет... А ждет,

надо сказать, всегда – ждет, надеется и верит, что кто –нибудь придет и скажет – я тот, кого ты ждал... И дверь откроется...

Достаточно заглянуть в «завещания», которые нам оставили великие Мастера театра – в них, в качестве почти случайных признаний и оговорок, мы найдем множество невольных доказательств и иллюстраций этой справедливой «несправедливости»... Вернитесь, с этой точки зрения, хотя бы к «взаимоотношениям» Михаила Чехова и Шекспира, или, скажем, к свидетельствам Коклина – старшего и Орленева... Не хочется продолжать, чтобы не вызывать подозрения в излишней эрудиции... Упомяну лишь наблюдение Дидро, что великий Артист рождается реже, чем великий Поэт...

Итак, мы настаиваем на том, что кроме внутренне осознаваемого посвящения, индикатором которого может быть лишь собственная человеческая и художническая совесть, если она, конечно, есть, необходимо дерзостное желание вести диалог с Поэтом на равных, но, не роняя его до себя, частного, а вырастая до него, всеобщего, до уровня его высокого мышления о **Человеке** в космосе и о **Космосе** в человеке... Правда, чаще всего встречается дерзость без опознавательных знаков «посвящения», и тогда происходит грубая и, я бы сказал, тайная подмена «исповедально сознаваемого призвания» дутым и жестоким самозванством, которое чаще всего и правит сегодня театральным балом под демагогическим покровом, якобы творческих прав...

И все же давайте осмыслим наш с вами шанс быть конгениальными Шекспиру, Чехову... – он, по правде сказать, очень мал, и трудно вообразить себе, что кто – либо конкретно из ныне живущих или, скажем, пишущих и читающих эти строки мог бы на него рассчитывать... И все же предположим, что он есть – этот шанс, не будем лишать себя надежды и... порассуждаем ещё...

Опять обратимся к великим Мастерам прошлого, бесспорным создателям совершенного, вечного и т. д. ... Не будем перечислять всех их качеств, создавших им славу, тем более, что сделать это невозможно, не впадая в пустую риторику... Отдадим себе отчет только в одном – в их незаурядном культурном и духовном потенциале, и отметим для себя, что их творения никогда не были случайными плодами досужего разума или праздного честолюбия, вопреки утверждениям всех «сальеристов» – их шедевры рождены ими отнюдь не в праздники и, как правило, не под аплодисменты современников, а выстраданы и выношены ими в жестокие будни зауряднейшей жизни, среди смешения всех «сюжетов и жанров» в житейской грязи и шуме...

Отметим ещё, на всякий случай, что они тоже, все без исключения, дерзали когда – то кому – то и чему – то **соответствовать** и подражать, и проделали немалую, должно быть, духовную и умственную работу, чтобы достичь **соответствия**... И дерзали они при этом, надо сказать, так же, как и любой из нас, на свой страх и риск, без каких – либо гарантий с чьей – либо стороны на успех, без права даже на бескорыстное служение своей «идее», не признаваемые и часто оплевываемые собратьями по роду человеческому и по ремеслу... И лучший из заветов, выкованных ими в муках творчества и оставленных для нас, как бы для испытания на подлинность – «иди своим путем и веруй»...

Я говорю «мы» и «для нас», исходя не только из риторических приличий и правил, но и из простой истины – допущения, что кому – то из нас все же, несмотря ни на что, дано найти свой путь и с верой пройти его, и на этом пути встретиться со старыми Мастерами... которые ждут, всматриваясь в наши лица, в одиночестве и надежде... Дай нам Бог, чтоб они дождались хоть кого –нибудь из нас... И тогда высокая **классика** силой театра оживет вдруг для тысяч и, может быть, миллионов людей – и хоть немного высветлит наши будни **правдой**, очеловечит лица и откроет души для духовной красоты, имя которой – **любовь**...

Начав размышлять о природе и сущности театра с какой бы ни вздумалось стороны, мы неизбежно придем к некой очевидности, что существуют не только разные виды и жанры,

но и различные уровни театральности. Что же это за «уровни» и чем они задаются и определяются?

Чтобы не растекаться по всему, почти необозримому полю театральному, граничащему порой с самыми дальними горизонтами, где кончается уже всякое искусство, присмотримся лишь к театру драматическому – как наиболее традиционному, даже в какой – то мере консервативному, и теперь уже «классическому» виду театра. Итак, драматический спектакль... Конечно, во все времена и в такие, как наши, когда упадок театра стал общепризнанным фактом, во все времена в театрах работали талантливые люди и порой достигали, в оценке современников, выдающихся результатов.

Но отнюдь не всегда и не все из этих «победителей и чемпионов» становились действительными «властителями дум» и выразителями духовных потенциалов и устремлений современных им поколений людей...

Если сравнивать репертуар «той» и нашей эпох, то «современная» в ту пору драматургия была не менее спорной и казалась не более качественной по сравнению с былыми «образцами», чем сегодняшняя, да и «классика» ставилась, можно сказать, почти та же и столько же – в чем же причина упадка и подъема, успеха и неудач?..

В очередной попытке приблизиться к ответу на этот вопрос, давайте – ка вспомним любопытные, с нашей точки зрения, случаи, когда один и тот же режиссер ставит, бесспорно, талантливый спектакль на материале вполне заурядной современной пьесы, и тут же следом ставит посредственный спектакль по бесспорной пьесе **классического** репертуара... Если бы эти несчастные случаи не были так распространены, что стали как бы общим правилом, которому почему – то следуют, увы, все режиссеры, от мала до велика, можно было бы позволить себе уклониться от серьезного «ответа» и отвлечь своё внимание – печатными ссылками на некую оригинальность каждой трактовки, сплошные или отдельные, в зависимости от доброты или настроения критика, актерские удачи... Т. е. обычными играми и танцами вокруг голого короля...

Честный ответ на приведенные выше факты, извините, таков – конечно же, с партнером, привыкшим, как и ты, «валить дурака» и примерно твоей же весовой категории, проще иметь дело, легче проявить наработанную технику, освободиться для импровизации, и в результате продемонстрировать своё мастерство, превосходство и достичь успеха... А вот как быть со «сверхтяжем» да в классической «борьбе», которая ведется по известным законам и с приемами никак «не ниже пояса»?.. В этом случае нет шансов, если самому не набраться силы, веса, роста и высокого умения... Но, как и где их взять – если нет и нету?..

Приближаясь кое – как к финалу своих «несвоевременных» театральных размышлений, позволю себе обратиться ещё к одному наблюдению, связанному, на этот раз, с отношениями между уже сугубо современной, т. е., **не классической**, но, надо заметить, классной драматургией и «нашим» театром... Подумаем, к чему, скажем, привели опыты обращения к пьесам Олби – как – то вошедшего в «моду» у нас и, безусловно, одного из самых художественно ёмких и высокоинтеллектуальных драматургов последних десятилетий?..

Далеко от Москвы я видел спектакль «Случай в зоопарке», теперь, говорят, влюбленные критики его уже приблизили в отеческой заботе о московской публике – этот спектакль, поставленный как наглядное пособие по гомосексуализму, пособие для начинающих или просто любознательных, я уж не знаю... И не потому, что так уж извращена природа у создателей произведения, а как – то не додумались они ни до чего другого, да и не интересно им это – какое – то там «думание», вроде, как и не «театральное» совсем занятие, во всяком случае, необязательное, почти неприличное, если «таланту хоть отбавляй» – вот и решили быть «смелыми», как «тама»...

А в известном спектакле «Не боюсь Вирджинии Вулф» очень серьезно и фундаментально «поставлена», и с умнейшими, вроде бы, актерами, какая – то бесконечная семейная склока,

через двадцать минут уже пробуксовывающая сама в себе... И опять же – не потому, что так уж не могут профессионально выстроить внутренний сюжет отношений в согласии с художественной философией автора, а по той же причине, если так можно выразиться, – глубокого не – до – мыслия...

И те, и другие, и третьи, почти без счастливых исключений, проходят почему – то по самому поверхностному «низу» возможной причастности к высокой драматургии – видно, и сегодня, как и в первые дни творенья, все познается и создается «по образу и подобию своему» – и другого не дано...

Как сегодня мы ставим Чехова?.. Да как угодно – и по тексту, и против текста, и поперек, как самого – самого «интеллигентного» и почему – то вдруг скучного, с налетом обаятельнейшего лиризма и без такового, но социально активного, с хрестоматийным пиететом, и как капуста в ПТУ... Времена рабского подражания «образцам» прошли, слава Богу – гуляй, как вздумается, ... и гуляем, даже не утруждая себя попытками приблизиться к Его беспощадной глубине и космической духовности, художественно выстроенных Им через ход человеческих судеб в галактике того или иного сюжета...

Да, высокая **классика** – это не театральная иллюстрация, не живые картинки на расстоянии, а вновь зачатая и вынашиваемая в чреве зрительного зала драма живой жизни... Поставить и сыграть Чехова – это значит прочувствовать и выразить глубинные проблемы человеческого существования в потоке обыденной жизни... И быт у Чехова – это тело, плоть и клетка человеческого духа, от чего он бежит и к чему возвращается, как блудный сын... А вместо разыгрывания текста или даже сочиненного «образа» – обнаженное ожидание и опора на себя, единственного...

Да, Чехову нужен режиссер и актеры, прозревающие быт, способные увидеть за ним голую и трагическую правду человеческих жизней, своей и всякой другой... И только тогда это философский и великий театр, равного которому, как утверждают Брук и Стрелер, нет...

А ещё Чехов напоминает нам о триедином даре подлинного творца – даре духовного мышления, нравственного существования и художественного деяния... **Сущностная сосредоточенность** каждого бытия, в том числе и сценического, является метафизическим законом его трагической глубины и значимости...

На репетициях выращиваются и тренируются, а на спектакле запускаются в «жизнь и игру» одновременно – не только **сущность** личности, её **сосредоточенность** на себе, но и **энергия свободы** в её воплощениях – **три** главных составляющих человеческой **судьбы**, бытийствующей на сцене и питающей любой сюжет жизни своими соками и глубиной... Сценическая **энергия свободы** – это не игра в «образ» и не проживание «предлагаемых обстоятельств», а игра своими **сущностями**, выращенными из **духовного спектра** роли, постоянное рождение себя из игры с другими **сущностями**, в каждый раз **по – новому** и всегда **лично** выхваченных обстоятельствах, в непредсказуемой со стороны **игре** со своими и чужими **воплощениями** человеческого «опыта жизни»...

Одна из главных и решающих театрально – духовно – технологических задач, могущих привести к принципиальному художественному прорыву в высшие слои чеховской драматургии – **сделать** из «обожаемого» текста вынужденную и не всегда приятную **необходимость**, которая, подобно протуберанцам, вырывается из недр экзистенциально проживаемого на сцене **чеховского «быта» – Бытия...**

Чеховская простота, глубина и абсолютная прозрачность явились в русской литературе XX века дважды – в прозе Шукшина и драматургии Брода...

II. Театральный ломбард

«Мизансцена мысли» – моё название режиссерской необходимости выстроить хотя бы имитацию внутреннего психологического процесса, если способность к нему напрочь отсутствует у артиста, привыкшего к игранию авторского текста да выполнению режиссерских подсказок передвижения по сцене... Психологический процесс мышления и принятия решений можно, оказывается, выявить паузой, жестом, поворотом головы, тем или иным поступком... и тогда зритель «прочитает» ту мысль, которая рождает последующее действие, мотивируя и обогащая его движением ума...

Моя редкоземельная режиссерская особенность, роднящая меня с лучшими – исчерпать до дна возможности и кладовые пьесы, даже глубже самого текста – и тогда даже хрестоматийный автор вдруг становится незнакомым и современным, будто прокаливается и обновляется на наших репетициях... И старый классик кажется уже написавшим свои тексты только вчера и только для меня... Так случилось у меня с Чеховым, Друцэ, Островским, Вампиловым и другими моими любимцами... Никаких отсебятин – только от текста и через текст, в словах и между слов (по Метерлинку – в молчании и в смыслах, омывающих слова)...

Всякое искусство по ходу своего развития рискует оторваться от корней своего призвания и служения, замкнуться на самое себя, на сугубо внутренние интересы «творчества», оторваться от большого мира живых проблем человечества – в такой самоубийственной изоляции заключается главная причина ослабления и вырождения даже очень талантливых художников, которые находчивые «идеологи» спешат выдать за небывалые достижения и открытия, всю уже пустую «игру в бисер» называя наисовременнейшим искусством, великими пророчествами грядущих времен, вплоть до пресловутого «черного квадрата», этой плохой шутки пьяного художника, как последней точки прибытия и конечного тупика... Этой порчи и отклонения не избежали не только Малевич, но и Феллини, Тарковский... стоит только сравнить их ранние прорывы в художественный космос, которые прославили их таланты, и поздние опусы, разрекламированные услужливыми портняжками...

В опере мизансценировать и выстраивать пластическую динамику надо по тактам, музыкальным фразам и «пьесам», а не по либретто, сюжетам, обстоятельствам, эпизодам и действию. Пластика и жесты рождаются и стилизуются только из музыки, и характер у них не бытовой и психологический, а условный и символический, тяготеющий к сюжетной статике и музыкальной динамике...

Актерская профессия только проявляет и помогает делать выразительной жизнь человеческой природы в актере – но первична все же эта природа! Поэтому так необходима культура, воспитание, развитие личности, её внутреннего разнообразия и гибкости, богатство, глубина и сложность её реальных качеств... Современная театральная школа преступно обходит эту главную свою обязанность стороной...

Множество людей, чаще не сознавая этого, культивируют в своих жизнях всякого рода драматизм, чтобы заполнить образующуюся в сердцах пустоту... и только, пожалуй, взрослые люди театра, устав от драм на сцене и за кулисами, ищут и ценят естественную простоту и покой, тихую гавань – после рвотной болтанки, бурь и волнений театральной среды...

Мои контакты и истории с театрами повторяют первую встречу Миклухо – Маклая с аборигенами – всякий раз возникает и решается каннибалистическая проблема – сразу сожрут, или чуть промедлят, а я этим воспользуюсь... и потом – назовут берег моим именем?..

Слишком много замороченных около – театром и плебейской коммунальной жизнью псевдоартистов... В ответ на мои профессиональные предложения, требования и даже шутки – тупое непонимание, сопротивление и уличные выходки...

Почти век понадобился Чехову на путь от «современного» автора до «классика», от близорукого до дальнозоркого и масштабного его понимания, от натуралистически – психологического до художественного воплощения его пьес на сцене... Этот путь пытаются пройти сегодня Друцэ и Вампилов – не без моего, что приятно сознавать, участия...

Мало хорошо и технично интонировать музыкальный текст – чтобы возвести его в искусство, необходимо воссоздать его в себе, лично, глубоко и искренне, и тогда он достанет не только до ушей, головы и сердца, но и до печени!.. Голоса и профессионального умения им владеть мало... Чтобы стать событием на сцене и в зале, надо стать самому равным Бетховену или Малеру – только так можно получить мандат на их исполнение... Максимализм? – да!.. Иначе это – самозванство, паразитизм и халтура...

Талантливый исполнитель присваивает авторское право создавать его произведение – он, как бы, перевоплощается в автора... Не подменяет его, раболепствуя перед его гением, – а стремится, уподобляясь автору, возродить сам процесс творения, являя собой чудо, воплощает его личность в самом акте творчества, в реальном акте зачатия и рождения его произведения...

Актерам работать надо не с текстом, и даже не от текста и того, чем нагружает режиссёр в своих пониманиях, а от сущности всего того, что порождает этот текст в скрытой и глубинной реальности жизни, общей для тех персонажей и этих артистов...

Разделение сфер деятельности и ответственности:

Что? – это автор, Как? – режиссер, а Кто? – это актер!.. (их ещё приходится убеждать в этом – в этом призвании «быть!», в достоинстве и личном присутствии и участии!.. – измельчал артист до потери своего призвания)...

Однажды, на повторяющиеся напоминания со стороны очередного худрука театра – «Мне нужен хороший спектакль!» – я ответил: «Хороший спектакль сделать нетрудно – трудно сделать очень хороший спектакль»!..

Нерадивому артисту – «Если бы ты был не только артистом, но ещё умел бы писать – у тебя все есть для того, чтобы создать книгу «Репетиция – нелюбовь моя» или «Репетиция? А что это такое?..» – книгу, которая стала бы достойным нашим ответом Чемберлену – Эфросу!..

Актрисе – «После этой удачной его шутки ты будто погрузилась до подбородка в ванну со смехом!», а он этим воспользовался...

Приобщить или потрафить – развилка для всех деятелей в сфере искусства – от Босха, Ван – Гога и Бочарова до Шилова с Глазуновым и Табаковым и пр. торгашами... И развилка эта происходит не в залах экспозиции и на сцене, а у мольберта и в головах...

Воображаемая художником реальность и интереснее, и реальнее видимой невооруженным глазом... «Конфликт» между ними служит свидетельством присутствия подобия Творца в образе художника, живой сущностью и ценностью подлинного реализма...

Всякий глубокий художник – человеколюбивый мизантроп (от Соломона и Сократа до Мольера и Пушкина, а в театре – от Равенских и Товстоногова до меня) ... не путать с мизантропами, человеконенавистниками и людоедами от природы – Гончар, Плутчик и пр... Ну, и цена им – соответствующая...

Среди артистов и др. работников театра, а то и просто – у любителей с ближайшей улицы, утвердилась мода, при возможности, играть роль режиссера – статусно, денежно, даже если плохо получается (да и судьи кто? – безграмотное начальство, которое ничего не контролирует, потому что ничего не понимает и озабочено только своим положением – гуляй, рванина!)...

У Брода все «срежиссировано» в репликах, и его пьесы почти не нуждаются в ремарках, в отличие от большинства даже классных драматургов...

Шейко блестяще начал, подпитываясь от лучших образцов режиссуры (Мейерхольд!) и, в конце концов, иссяк... Я же пошел от драматургии, от авторов, текстов и смыслов (интуитивно!) и оказался прав...

Музыка! – а не текст и пресловутые предлагаемые обстоятельства с сюжетом – определяет в опере психологию, пластику и динамику сценического воплощения...

Плохая пьеса для меня, как кривая и косая женщина для изголодавшегося мужика – нет уж! как –нибудь без меня!.. Даже если давно уж невтерпеж...

Настоящий актер – генератор живого тока, а не только проводник чужих электронов (автора, режиссера) ... Лучшим индикатором, идущим через актера тока, являются его глаза – «стоячие» или вибрирующие мыслями, словами, чувствами – лучший индикатор мастерства и таланта...

Многие «талантливо» гуляют во все стороны – я же глубоко копаю, но на одном месте... Как «человек корня» – по Скибневскому, в его противопоставлении Таирова и Мейерхольда...

Задача режиссера – помочь актеру сложное выразить через простое, а не наоборот...

Все режиссеры – постановщики «Чайки» похожи на Треплева, застрелившего несчастную птицу, обнаружив своё бессилие и поражение в борьбе за Нину... Трагический случай поэтического взлета двух юных жизней, их театральных мечтаний и выстрелов в их сердце и голову, определивших роковую развязку – этот сюжет остается невысказанным, нереализованным, невоплощенным – без меня!..

Спектакль – это не пьеса и не актеры, а, увы, режиссер! Именно он определяет собой масштаб и качество воплощаемого на сцене Автора – Чехова или Шекспира... Как и Бетховен

всегда равен дирижеру, дерзающему быть Его исполнителем, чтобы ожило и прозвучало равное Ему... Все, подражая Создателю, творят по образу и подобию своему – другого не дано!.. Режиссер и дирижер или уподобляются Автору, пытаются и становятся конгениальными Ему, или обрекают себя на имитацию его творчества (судьбы многих т. н. профессионалов)...

Мой Чехов, Друцэ, Вампилов – моё ненасытное желание пить по любому поводу только из глубокого колодца, а не с блюда, чашки или даже кубка – это редкий, мало кому знакомый дар... Чувствую всем своим режиссерским существом свою правоту, но эта моя правда слишком сложна и беспокойна для окружающих, и отторгается большинством скользких по поверхности театральных фигуристов и аферистов, танцующих для собственного удовольствия и выгоды...

Феномен «Железной воли» – в мертвом последние десятилетия Ермоловском театре – три ещё живых артиста с творческой голодухи сделали инсценировку, сами оформили, срежиссировали и сыграли один из самых лучших спектаклей Москвы... И только я их заметил и вытащил на фестиваль, где они получили у жюри одну из высших наград...

Все остальные фестивали и СМИ оставили это событие без внимания – не те имена, не того круга...

«Гоголь – Моголь» Таска – читать некоторые реплики и диалоги было интересно, но осмыслить и переварить все, когда они кончились – не случилось, не хватило какого – то фермента, то ли у него, то ли у меня...

Любимов и Эфрос – пример и результат постоянного общения с лучшими из лучших, живой источник их былой активности и таланта... Территория моего театра навсегда оккупирована табачковыми, райхельгаузами и гинкасами, а имя им – легион... Так что – прощай, театр! И здравствуй, мой письменный реванш – как последний привет призванию...

Кажется, я стал отвыкать от людей и сцены. Они не ранят меня на удалении от них, и я стал гораздо спокойнее и «счастливее»... Осталось совсем немного, чтобы осуществить переход к постоянному одиночеству и письменному столу... Так что, это хорошо, что никто из театра не спешит раскрывать мне объятия – баба с возу!..

Настоящий театр начинается, когда актеры в персонажах открывают и воплощают не только «биографическую» психологию (якобы по Станиславскому), а общечеловеческие драмы и трагедии их жизней (от знаменитого «повара» Щепкина до драматургии А. Чехова, актерского гения М. Чехова и режиссуры Гротовского...)...

Фотомгновения – неоцененные ещё гениальные факты остановки времени!.. Мне кажется, в этой способности фотофиксации мгновений скрыта какая – то атомная сила, до открытия и использования которой ещё не додумались, но она термоядернее, чем более поздняя киноманипуляция текущим временем, давно завоевавшая мир...

Кроме драматургии сюжета, важно выявить драматургию развития каждой роли (пункт отправления А и пункт прибытия Б) – это необходимо для содержательной работы с каждым актером и обогащения спектакля в целом через персональную дифференциацию его действующих лиц...

Самая распространенная и подлая ошибка режиссеров и артистов – бесконтактная имитация общения (отсутствие школы, совести, психологического чутья – всего того, что называется честной профессией, даже не талантом)...

Я не разделяю артистов на хороших и плохих. У меня своё определение – это мертвый, а этот живой... В мою задачу входит – даже с мертвым артистом сделать живую роль!.. Это называется профессией...

Эпиграф для программки «Фиалки Монмарта»: «что краше – фиалка или роза с шипами? Этот вопрос волнует мужчин с древних веков, во времена Кальмана и по сей день...»

«Музыку» к спектаклям в драме сочиняет режиссер, а в опере музыка только воплощается режиссером – и это, как ни парадоксально, режиссерская задача более изощренная и сложная – создавать зрелищное событие из трансцендентальных и скрытых от земных глаз музыкальных сущностей...

Вернёмся к спектаклю – как бы ты подытожила свои впечатления? Или они уже испарились – от мыльного пузыря не остались даже брызги воспоминаний?!

Актер – как верующий (Богу), или любящая женщина (мужу) – создает себя, когда полностью отдается автору в лице режиссера...

Множественные трагедии режиссеров, в отличие от судеб художников, писателей, композиторов, – в тотальной зависимости их профессий от социума...

– Почему так уверен, что будет хороший спектакль?

– Потому что плохих уже не умею делать, давно мною утраченное мастерство, ну, не получается, хоть тресни!..

Хотел сделать очень хороший спектакль – получился просто хороший. Извини.

Я – редкий среди коллег экземпляр – режиссер театральных смыслов!..

Злейший и подлейший враг сценического искусства – приблизительная, очень похожая на правду, ложь.

Жареная вода – как образ театральной алхимии, без которой и театр не театр, и вода не вода...

Актерскому мастерству надо учиться всю профессиональную жизнь, но при этом надо чему – то и разучиваться... Отказ от вчерашнего – верный признак внутреннего обновления и развития...

Бывают спектакли по хорошей пьесе – стоишь, вроде бы, за вкусным продуктом, но из – за прилавка (со сцены) – то недовесят, то недодадут...

Осмыслить и найти ответ на вопрос «как» решать спектакль или роль – вовсе не значит, что этим «каком» можно красить всё подряд, как забор!..

Плохая опера – музыкальное обслуживание текста либретто, хорошая опера – музыкальное сочинение на сюжет жизни в либретто, а текст – в качестве скелета внутри музыкальной плоти...

Труднопреодолимый комплекс «второго человека», ведомого, зависимого приспособленца... «Пора вылезать из – под веника!» – убеждал я одного заслуженного актера, исполнителя главной роли...

Сделать традицию живой и современной – единственное призвание подлинного новаторства...

Как когда – то Колумб открыл Америку – я в 1980 году открыл для себя и современного театра Чехова, и очень ему за это благодарен!..

1969 г. Знакомство с Гончаровым...

Я хотел отличиться, блеснуть, заинтересовать, но вскорости понял, что необходимо вникнуть в его профессиональный режим и метод, найти возможность – стать ему полезным и необходимым... Не козырять собою, а пойти в подмастерье, на выучку, и таким образом извлечь максимальную пользу в одном из театральных центров страны под руководством далеко не лучшего человека, но выдающегося мастера – профессионала...

III. Театр Сартиры и глас вопиющего

Красноречивый отрывочек из полуторачасового интервью для ТВ – баранов (конечно же, многожды и тщательно прорепетированного на кухне и теперь умело «импровизируемого» перед камерой) одного умнейшего театрального арт-шулера у другого известнейшего: – «В заключение захотелось задать тебе вопрос (беседа идёт в модном ныне жанре «без галстуков» давно и хорошо знакомых друзей – партнёров), задать тебе неожиданный вопрос, касающийся, можно сказать, интимной стороны твоей многолетней педагогической работы – можешь на этот вопрос не отвечать, если он покажется тебе излишне провокационным... Итак – доволен ли ты тем, как развиваются и работают твои ученики, некоторые из них достигли уже самостоятельности, и ярких, и спорных результатов... Чувствуешь ли ты их продолжателями твоего театрального дела? Гордишься ли ты ими? – повторяю, ты можешь не отвечать на этот вопрос, если не захочешь».. Ответ: «учителя» предваряет талантливая «качаловская» пауза раздумий над «неожиданным» вопросом... Наконец, уста отверзлись: «Ты знаешь, что мне в них больше всего нравится? (вторая пауза, не менее художественная) ... – это (пауза), это бесстрашие их таланта! (дополнительные раздумия) ... Они не признают никаких запретов! никаких табу!!»... – И это, это!! Говорится вслух худруком – наследником (слава Богу, не прямым, а если честно – очень даже кривым) великого реформатора отечественной сцены, написавшего гениальную статью «Этика», на вдохновенных идеях которой взрастил несколько поколений спектаклей и актеров, впервые прославивших русский театр на весь мир небывалой художественностью и духовностью!! От себя добавлю – впечатление от его ученичков – «продолжателей» такое – будто прорвало центральную канализацию в театральном хозяйстве страны и залило не только «художественную», но и многие другие сцены столицы, и что совсем уж омерзительно, в провинцию уже протекло! И смотреть их «шедевры» можно только зажавши нос и зажмурив глаза – всё равно не уберечься и будет тошнить от их небольшого ума и большой испорченности... При этом я нисколько не виню этих уличных наглецов, заполонивших театральные храмы, – вся вина исходит от взрослых дядей из высоких кабинетов, которые таким образом (не из вредительства, а по своему вопиющему бескультурью) вершат кадровую и культурную политику в стране руками прославленных и обвешанных орденами театральных олигархов, «бесстрашно» предавших своего Учителя во мхатовской Гефсимании!..

S0S – Спасите свои и наши души!

Недавние решения Орловского управления культуры, возглавляемого известной всем начальницей, могли бы стать сюжетом для небольшого рассказа, достойного кисти Айвазовского, или уподобиться героическому поступку унтер – офицерской вдовы, которая сама себя высекла, если бы не одно досадное обстоятельство – плетка власти больно ударила не по нежным и чувствительным частям самой власти, а по смертельно, должно быть, ненавидимой ими культуре, которой приходится управлять (будь она неладна!), по театру, по спектаклю, по актерам и публике, т. е. по играющему роялю и по чувствам всех чудаковатых людей, которые хотели бы его слушать...

Вчера ещё мне и в голову, несмотря на её театральную седину, не могло прийти, что такое возможно!.. Да, в первый мой приезд в качестве приглашенного режиссера (лет 7 тому назад) меня несколько озадачила незаинтересованность тогдашнего руководства театра в качественном результате (возникали проблемы с нерадивым художником, сроками подготовки и выпуска спектакля и пр. производственные сложности) ... Но теперь те неблагоприятные обстоятель-

ства кажутся досадной мелочью по сравнению с административным беспределом сегодняшнего времени...

Судите сами: благодаря неожиданной игре любви и случая в Орловском драмтеатре появился новый директор, который каким – то чудом сохранил в себе искреннюю заинтересованность в творческом ведении театрального дела... Как человек опытный и волевой, он предпринял ряд действий, чтобы преодолеть ставшее уже привычным вопиющее отчуждение между городом и театром – желание, казалось бы, естественное и похвальное, входящее даже в должностную обязанность, но в замшелой и тупой ситуации бездеятельного застоя всякое активное и ответственное отношение к моральной, материальной и творческой стороне жизни театра прогремело пушечным вызовом для всех пристроившихся к театральной кормушке с бесконтрольным бюджетным обеспечением... Стремление нового директора к достойному обновлению жизни театра поддержал весь творческий коллектив – бывший худрук перед лицом такого единодушия вынужден был капитулировать и уйти со сцены театра... Ситуация казалась непроходимой – даже на премьерах зал был похож на полупустыню, где можно было аукаться... Такие театральные сюжеты встречались и в других городах, когда небескорыстный эгоизм или непрофессионализм руководства заводят театральное дело в тупик и рвет всякие живые связи со сценическим творчеством и, как следствие, с родным городом и публикой, и тогда «свой» театр становится синонимом бесталанности и скуки...

В эстетике Шиллера (он был не только знаменитым поэтом и драматургом, но и серьезным философом – кантианцем) среди основополагающих т. н. эстетических категорий (прекрасное, возвышенное и т. д., наподобие постулатов в геометрии) я встретил вдруг – «бескорыстие»! и остановился от неожиданности... Только после вдумчивой паузы и последующих воспоминаний проявилась безоговорочная правота Канта... Мы можем вспомнить множество примеров, когда талант как бы растворяется в воздухе и становится «бывшим», стоит только художнику, достигшему известности, сделать из своего имени торговый бренд... Не знаю, были ли когда – то талантливы и профессиональны прошлые руководители театра, но результаты их деятельности побудили меня вспомнить такую вот кантовскую аксиому и ещё раз убедиться в том, что превращение театра в личное доходное место, бытовая приватизация его, моментально лишает театр его высокого творческого назначения и статуса, а другим концом эта палка бьет по «приватизаторам», гарантируя им личную деградацию и профессиональную импотенцию...

Я, несмотря на всегдашнюю свою увлеченность Чеховым, Друцэ, Островским, Вампиловым... оценил мудрость решения нового директора – поставить народную комедию, рассчитанную на главные и простейшие рецепторы театралов и самой широкой публики всех сословий, всех социальных и образовательных уровней – надо было повернуть город лицом к театру и вернуть в театральный зал публику!.. Директором была выбрана замечательная, знакомая мне со студенческих лет, пьеса родоначальника украинской драматургии, старшего современника Гоголя, – «Шельменко – денщик» Гр. Квитки – Основьяненко – вот уже более чем полтора века, с неизменным успехом идущая во многих театрах Украины...

И произошло долгожданное театральное чудо! – после провалов многих сезонов и премьер, усилиями нового директора, нового художественного руководителя, режиссерско – постановочной группы, производственных цехов и, прежде всего, конечно, актеров во главе с помолодевшими талантами Петра Воробьева, Елены Полянской, Татьяны Симоненко, Виктора Межевикина, Сергея Аксиненко... и новой поросли – Павла Минакова, Ирины Щегловой, Дмитрия Бундирякова, Павла Сыромятникова, Павла Клячина, Снежаны Малых... – родился спектакль, на который косяками пошла орловская публика (10 спектаклей – 10 аншлагов!) ... Такие чудеса редко, но случаются с театрами, когда постаревший, казалось бы, навсегда и дышащий на ладан организм возрождается словно Феникс из – под многолетнего пепла, взрывается вдруг молодой силой и зовет публику на праздник жизни и искусства!..

И вот, во времена такого разбега и взлета, едва оторвавшийся от земли, театральный лайнер с экипажем и пассажирами сбивают в конце сезона – беспощадно, беспардонно, с вопиющим нарушением всяких юридических и моральных приличий, увольняют директора, выселяют на улицу театр (в канун его 200 – летнего юбилея!), назначают новых, удобных и послушных начальников театра, консервируют аншлаговый спектакль, т. е. средствами административного террора умерщвляют едва оживший организм театра и опять погружают его в небытие, из которого он только что героически выбрался...

Почему – то не сомневаюсь, что, если бы губернатор с семьей и ответственные чиновники его администрации совершили бы культурный подвиг и посмотрели «Шельменко», они не позволили бы убивать спектакль и поддержали бы начавшееся возрождение родного театра им. Тургенева на радость всем горожанам Орла и на зависть другим городам театральной России... Только тотальной и позорной незаинтересованностью в развитии культуры со стороны вышестоящих властей можно объяснить коллекционирование в сфере культуры наихудших представителей т. н. «творческой интеллигенции», не имеющих, как правило, за душой ни ума, ни совести (представьте себе, такие есть не только в министерствах обороны, образования, здравоохранения!..) и видящих в своих «профессиональных» занятиях только кормушку...

Ельцинско – чубайсовский «призыв» продолжает свою черную работу по разрушению всех внутренних и внешних устоев, на которых росла и развивалась, несмотря на все исторические ошибки и потери, царская и советская Россия... И пока федеральные и региональные власти не осознают, что единственным локомотивом, способным вытащить длинный состав, погрязший в сегодняшнем болоте, может быть только культура во всех её многонациональных, традиционных и высоких современных проявлениях – до тех пор наше государство и общество будет пробуксовывать во всех своих потугах модернизаций, инноваций, смехотворной борьбы с коррупцией, наркоманией, бытовой и профессиональной преступностью и прочими прелестями базарной лжедемократии, убивающей в людях остатки совести и ответственности перед лицом предков, творивших нашу страну своим потом и кровью, стремившихся делать императивом своей жизни и работы – «я честь имею!»... Думаю, немногим из обличенных сегодня властью захочется вспомнить и произнести, хотя бы не вслух, а так, внутри себя, эти когда – то наполненные живым и личным смыслом, поднимающие в трудную минуту с колен, слова – «честь! имею!»...

И все же... и все же, я думаю – наше дело правое! И город первого победного салюта отпразднует ещё и театральную победу над силами зла и мракобесия, и сделает главный театр Орла храмом справедливости и таланта!..

Прихваченная духовность

Наша справка

Ювеналий Александрович Калантаров тесно связан с нашим городом: долгое время работал в Калининградском областном театре драмы. За пять лет (1977—1982 гг.) и в последующие приезды поставил около 20 спектаклей.

Сейчас живет в Москве.

Я говорить буду о самом для меня важном – область теряет свой театр!..

Недавно ещё работала в театре талантливая компания знающих дело профессионалов, работающих практически сутками – за почти символическую зарплату. И были любимые публикой спектакли – Друцэ, Чехов, Островский... Только мне посчастливилось ставить до шести спектаклей за год!..

Авторитарность всей «театральной постройки» предполагает, что у руля должен стоять не только специалист, но и бескорыстный человек, для которого главное в работе – творчество. Если же цель – только материальное благополучие, только красота интерьера, недалеко

до гибели самой идеи театра. Театр все последние годы в абсолютном тупике. Интересных творческих событий в нём нет... Какие перспективы? Да никаких.

Любопытно, что властные структуры совершенно не обременены художественными заботами, ответственностью за внутреннее самочувствие театра, не вникают в его проблемы. Есть достойная театральная жизнь, нет ли её – им все едино... В этом смысле советская культурная политика была куда более последовательна и ответственна. Да, она тащила на подмостки закостеневшие политические задачи, но ведь и за качеством художественного «продукта» пристально наблюдала... Сейчас в существование подмостков никто из «принимающих решения» не вмешивается – не из – за боязни превысить свои полномочия, а по причине полного равнодушия...

Идёт грубая материализация власти, в сфере её интересов – экономика, финансы. По сути, в наших условиях власть – это бизнес. Культура не нужна, поскольку она не имеет значимой для государства доходности, но она воздух, которым дышит страна... Такое положение – по всей стране, я много езжу и вижу это повсеместно. Но в столице хоть пыль в глаза пускают. Здесь же нет и этого...

Власть не думает о своем облике, авторитете... Но это – полбеда. Она, будучи бескультурной, не думает о душе «своего народа», о том, что душа нуждается в особой, духовной, пище. Власти необходимо вспомнить о своих высоких обязанностях, прийти в сознание и понять, что культуре необходимы поддержка, забота, «контроль за качеством», внимание государственно мыслящей и патриотической власти, озабоченной не шумными карнавално-парадными фестивалями, а неуклонным поступательным наращиванием духовного потенциала... Но нет – пустили все на самотек, отдали культуру в «монопольные» руки дельцов. И все довольны. Кроме самого искусства, зрителя, города... Молодые актеры бегут на заработки в столицу и за творческую удачу почитают, если там удастся сняться в рекламе...

А ведь в театре, как и полагается в Храме, есть своё небо, свои боги, свой Олимп. Поклоняться надо им, воплощающим высокий дух творчества, а не, увы, золотому тельцу. Но, к сожалению, всех т. н. организаторов театрального дела охватила эпидемия «золотой лихорадки», совершенно пагубной для культуры...

В России испокон века все судьбоносные инициативы, и «плохие», и «хорошие», всегда идут сверху. Калининград – не исключение. И если городская и областная администрации не оценят вдумчиво и ответственно сложившуюся ситуацию, край в самом обозримом будущем вовсе останется без своего главного театра. Если под театром понимать Театр, храм Мельпомены, а неудобный караван – сарай для привозных спектаклей и источник личных доходов для дирекции и т. н. продюсеров...

Увы, продолжение следует!..

Сегодня я заглянул в бездну – «мастер – класс» Дм. Крымова!.. Через 50 лет после моего счастливого знакомства с Эфросом – нечто похожее на «Превращение» Кафки – деформированный сын затравленного гения, превратившийся в его антипода... Денница, якобы любящий своего Отца, но исповедующий борьбу с Ним – на клеточном, генном, онтологическом уровне, более глубоком, чем сознание и противоборство идей... Восставшая онтология, признающая, но отрицающая свою генеалогию, покинувшая сферу познания с озоновым слоем вековых культурных ценностей ради нового черного космоса чудовищных опытов генной хирургии, где царит мрак человекобожества и апокалиптического перерождения Божественного Замысла... А Каменькович на этой встрече с публикой всего лишь сопровождал его, как театральный физкультурник, сопровождая случайными словами выступление умного и талантливого монстра, изнутри сожравшего своего отца Эфроса по явному наущению Эдипа и Кафки...

Две сотни юных баранов и взрослых «образованцев» из околотеатрального стада, с зачарованным восторгом дикарей внимали проповеди посланца Антихриста, готовые следовать за ним, напрочь забыв клятву отречься от Сатаны во Славу Божию, данную во иордани при посвящении в учение Христа... При таком бездумном культивировании якобы «современной» культуры размножающихся сатанистов при откровенно пилатствующем государстве, умывающем лукавые руки перед расправой над Богом... Страшно думать, присутствуя при этом зрелище, о завтрашнем дне нашего театра, нашей культуры, о будущем нашей России, да и всего мира...

Очередной звонок в театр Сартиры, Ширвиндту. – Его сейчас нет, что сказать? – Скажите, что звонит и просит назначить встречу – древнеримский поэт – сатирик Ювенал...

Ширвиндту по телефону. – Я буду на Вас жаловаться Эфросу, Чехову и Михаилу Михайловичу Державину!., (как об стену...)

Во всех без исключения театрах идет перманентная гражданская война между теми, кто живет театром, будто родился в нем и для него, и теми, кто живет при театре, будучи людьми с улицы... И те, и другие – реалисты, только реальности у них разные... И враждуют они не потому, что одни очень хорошие, а другие совсем плохие, а потому что – разные, из разных систем координат и измерений... Исход этой бесконечной, скрытной и бескомпромиссной борьбы определял и определяет судьбы всех театров во все времена, при любых переименованиях улиц и стран, с Тверской на Горького, и обратно... При этом гибнут, как правило, самые самоотверженные и преданные театру – их, почти всегда, меньше... Так Эфрос рано умирает камер – юнкером (заслуженным деятелем искусства РСФСР), а Дуров длинно живет народным артистом СССР... Профессор Преображенский и Шариков несовместимы в одной коммунальной квартире, в одном пространстве жизни по характеру и по интересам, по происхождению и призванию – и это неисправимо и неизживаемо... Вся история Эфроса, от «Ленкома» до Малой Бронной и Таганки, – тому иллюстрация... и я, грешный – от Иркутска до Калининграда, и по сей день, включая мафиозный Владик и задрипанный Липецкий театр... Я обречен на Сизифову работу в Авдиевых конюшнях... Моя гоголевская мечта о Храме живет и умирает в засранных табачными конюшнях...

В дополнение ко многим кастингам последнего времени (не уверен, что эта моя идея уже не использована каким – нибудь из «гениальных» мэтров от искусства) – пригласить одного из знатоков театроведческого племени и поставить доверительно перед ним такую задачу: «У меня есть деньги, прошу тебя составить список из 30—40 – 50 человек, способных написать о нашем театре, или об одном из наших спектаклей, за каждую статью, вне зависимости от её использования, я плачу хороший гонорар (ну, скажем, – 50 тыс.), потом из числа участвующих в этом негласном кастинге мы выберем 10—15 человек и за следующие их статьи о нас повысим гонорар в 5—10 раз (до 500 тыс.!) – они станут, как бы, штатным корпусом наших критиков... Ты понял меня?...» Так стали рождаться гениальные спектакли на коньках и в бассейнах, которые сопровождаются критическими гимнами, славящими появление новых театральных шедевров, предтечами которых иногда упоминаются некие мейерхольды, товстоноговы и эфросы, да и то мелким шрифтом...

Театральные дельцы набрали мощную, умную и наглую армаду критической obsługi, которая напористо и безапелляционно выдает черное за белое и успешно осуществляет подмену «старомодного» профессионализма агрессивным аферизмом, косящим под авангард, и возводит их своим умелым продажным враньем на пьедестал гениальных достижений, являя

народу новых сценических «голых королей», беззастенчиво украшая и зашумливая голую правду об их вопиющей бездарности...

«Чехов – гала» Бородина – претенциозно и бездарно до отвращения... Если смешать салат, борщ, жаркое и компот с тортом в одном сценическом корыте – человеческая пища станет уже пойлом для свиней... Но, что самое неожиданное, – выход после спектакля на поклон театральных поваров и официантов встретили не хрюканьем, а аплодисментами... Ещё одно свидетельство, что внутренней границы между людьми и свиньями не существует...

Как обманчива в массе своей человеческая реальность!.. На концертах Петросяна и его кодлы так много было в зале лиц, похожих на человеческие, – до того, как они начали смеяться от скотского «юмора» своих любимых «артиздов»!.. – их человеческие лица превращались вдруг в хари с картин Босха, захлебывающиеся в сатанинском оргазме издевательства над человеческой природой!.. – на таких и атомной бомбы не жалко...

После спектакля Виторгана – Иоффе... кричу Броду: «Почему они показывают нам свои плохие спектакли, а не мы им свои хорошие»?!. Они даже ремесленника Саймона превратили в профессиональный понос – ну, ни одного удобоваримого момента, лишь бы по тексту, да и то – поперек... Тупая и беспомощная кодла, вместо команды профессионалов... Руки чешутся показать всем «кузькину мать», но нет ни одной свободной точки опоры для рычага... Все схвачено «ими»...

Петросян и Табаков – такие «умные – умные», такие «обаятельные – обаятельные» – до тошноты... Самовлюбленные «гении»... Но те «счастливицы», что смотрят и слушают их в переполненных залах, – не лучше... И ничего – живут! Живут, будто, для оправдания Гитлера и искушения грядущих человеконенавистников...

Театральный щипач – карманник не более совестлив, чем медвежатник, специализирующийся по банковским сейфам, – они отличаются только масштабом аппетита и амбиций, да уровнем профессиональных и социальных связей (сравнение Робермана с Д. Смелянским)...

В «белом» танце после удачной премьеры. – «Я пригласила Вас, чтобы извиниться... Как – то на репетиции, я позволила себе грубость»... – Не помню... – «Я сожалею об этом...» – Ей – богу, не помню!., и, вообще, скажу вам по секрету – у меня есть одно профессиональное правило... (оглянувшись, и шепотом) я на артистов никогда не обижаюсь, вы же мои пациенты!.. (пауза, до конца танца)...

Приглашенный режиссер с художником сделали все, чтобы доказать, что хозяин театра (он же – исполнитель самого Мольера!) не голый король... Но, если честно, это им, несмотря на обилие умелых мизансцен и шикарных костюмов, плохо удалось... Но публика была хорошо подобрана и дружно аплодировала в конце спектакля любимому «королю» и изобретательным стараниям щедро оплаченных портняжек...

Гончаров, Плучек и Ефремов, при всех своих известных заслугах, были напрочь лишены совести и чувства стыда, непременных спутников человеческой порядочности и художественного дара, эталонными и непревзойденными образцами которых были Эфрос и Марк Ривин!..

После первых же спектаклей Д. Крымова я убедился, что он стал антиподом отца, а теперь, послушав его, – да это же готовый театральный Антихрист – умный, «талантливый»,

обаятельный... Если вспомнить Эфроса и Ренана – ужасные творятся метаморфозы в нашей театральной «Палестине»...

Все режиссеры из «советской» Прибалтики, вне зависимости от их профессиональной, национальной и пр. ориентации, проявляют себя в русской театральной среде такими «умелыми дипломатами», будто закончили там, ещё в своё время, иезуитские академии (Туминас и др.)...

Этот спектакль по очень хорошей пьесе похож на суп из невскрытых банок со вкусными этикетками или на шахматную партию, в которой неумехи ходят только пешками (ну, не знают они других ходов) ... Такая вот режиссура – не шахматы, и не шашки, а так – суп из топора для доверчивых дураков...

Областное управление культуры в лице полуобразованной дуры ищет в столице «молодого главного» для своего театра – «Вы решите сначала, кто вам нужен – футболист или тренер?! Футболист не может быть старым в отличии от тренера, который не может быть молодым!»... – элементарная дурь, которую можно уничтожить только с её обладателями...

«Ищем главного режиссера!» – кто ищет и для чего? – беспросветная кадровая дурь... Ну, какой театр может быть в городе при таких вершителях и решателях «от культуры»!.. И так по всей стране, начиная с Москвы! Страна правящих кухарок и «сапожников» – соревнующихся в дури без всякой оглядки на ответственность перед чем – либо...

Наконец – то, понял в каком мире я живу – он вывернут наизнанку и поставлен с ног на голову... После «Хованщины» Тетеля хочется опять заорать как в молодости – «А парус! порвали парус!»... Астров и Чехов правы – «наше положение безнадежно»...

Они берут любой сюжет Шекспира или Чехова, а ставят себя – пэтэушников!.. Продажная критическая услуга, чтобы выжить и заработать, становится на колени перед новыми хозяевами сцены и украшает узорами сладких словесных кремов сварганенные прохиндеями пироги с дерьмом, чтобы скормить их доверчивым баранам...

– Вульф?.. Голубой пустобрех, сказочник для дебилов из детского сада!..

– Как ты можешь так о покойнике?!

– Это я о живом! О покойнике мне пока ничего не известно...

Приехал красавице Москве целку ломать, а она оказалась старой проституткой!.. Мой чемодан театральных идей для её обольщения остался невостребованным среди рвущихся к сцене чемоданов с деньгами и презервативами...

«Римская комедия» Хомского – Бланка – жалкое напоминание о замечательном спектакле 70 – х годов у вахтанговцев, демонстрация профессионального падения всех участников сегодняшнего театра (от режиссера, художника, актеров до зрителей)...

Их манифест «Бесстрашия таланта (которого, на самом – то деле, нет!) без каких – либо запретов и табу, и духовных обязательств!» – сатанинский лозунг Лёлика и его ученичков... – т. е. забыть отечественный театр – от Щепкина и Островского до Товстоногова и Эфроса! – Геростраты сраные!..

Бурятский министр культуры наградил национальной медалью «90 – летие Республики» не Друцэ, как автора, и не режиссера юбилейного спектакля, а кудрявого директора вахтанговцев – постмодернистский поток кадрового дерьма залил не только столицу, но и все окраины России...

Я потому так плохо отозвался о твоём спектакле, что отношусь к тебе гораздо лучше, чем к твоим произведениям, даже, если они мне нравятся...

Фойе театра:

– Вы уходите?

– Чем дольше живу, тем понятней становится, что все мы делимся на людей и нелюдей. Этот спектакль сделан не людьми для нелюдей – пусть они его и смотрят...

Апофеоз в счастливой карьере Лёнички Робермана – допущен на сцену принести цветы и подать записки к подножию юбилея семнадцатиголового монстра Михалкова, когда – то талантливейшего режиссера...

– Ты будешь завтра в Доме Актера?

– Зачем?

– Прощание с Эскиной!..

– Я с нею давно простился...

Табаков и К° – эта театральная бесовщина, наверное, неизбежна среди позорного внутреннего распада в стране всего и вся – только не называйте «это» театром, а Содом – нравственной столицей мира и сраный привокзальный туалет – уголком поэзии и любви...

Спектакль кончился. И людской фарш устремился из зала в сторону гардероба... чтобы потом покинуть театр через его парадные дыры, и исчезнуть в огромной и уже холодной и темной кастрюле ночной столицы...

Кастинг среди критиков – новоизобретение театральных дельцов нового поколения, кастинг среди портняжек для голых королей!..

После спектакля покойники принимали цветы от своих поклонников и, как живые, раскланивались под их хлопki...

Театральные жулики и бездари (по – моему, это синонимы) сильны тем, что быстро сходятся, начинают крепко нравиться друг другу и активно дружить против своих редких и обреченных антиподов...

Звонок артистке, пригласившей накануне в свой театр:

– Единственная радость от спектакля – что ты была в нем не занята!..

С. Соловьев – безусловно, лучшая «говорящая голова» среди мне известных (несмотря на его частое «дружеское» вранье и врождённое лукавство)...

В театр нельзя заходить как в магазин или столовую, или туалет – по малой и даже большой нужде, или из любопытства... Но это сегодня не объяснить – публика развращена и опущена донельзя...

Я ставил там спектакль, ещё во времена Ефремова, когда МХАТ был уже пивнушкой, но ещё не секс – шопом, как при Табакове...

Необремененные ответственностью Швыдкой, Капков и К° создали множество деструктивных театров наподобие самопальных сект, независимых от мировых религий...

Отгадай – ка! – малообразованный и абсолютно безнравственный, и соответственно – бессовестный и наглый театральный олигарх на букву «Т»?.. а есть ещё на другие буквы, и их больше трёх – куда их нужно было бы и послать... много больше...

Народный артист СССР Дуров – всего лишь Шариков от профессора Преображенского – Эфроса, заслуженного деятеля искусств РФ... Фарт эпохи им. Швондера!..

Есть проститутки писающие, а есть пишущие, ставящие, играющие и т. д.

Театральный гардероб в антракте «Вишневого сада» знаменитого режиссёра.

– Почему вы уходите?

– Оказывается, эту пьесу я уже где – то видел!..

Похороны знаменитого в прошлом и забытого всеми М. Шатрова – из последних мертвецов безвозвратно ушедшей театральной эпохи...

Пока кафедрой заведует человек с фамилией из трех букв (Жак) – я туда не ездец!..

«Годунов» Штайна – Дантес поставил бы лучше... Убивать, так убивать! Зачем позорить – то и позориться?!...

В гардеробе:

– Вы уходите?

– Пусть этот спектакль смотрят те, для кого он сделан!..

Бездарно «гениальных» режиссеров стало сейчас неизмеримо больше, чем просто и элементарно профессиональных...

Три действия и два антракта – да, это же тройная уха с хлебушком и стопкой в буфете!..

Поставить можно любую из пьес – какую – то по любви, остальные за деньги... В этом проявляется известная «женственность» нашей профессии...

Решительная реплика из объяснения с очередным «главным», покушающимся на участие.

– Одного ребенка двумя папами не делают!..

Ну, ладно, ну, поставил ты в Японии спектакль, а что хорошего ты там сделал?..

«Годунов» в постановке П. Штайна – в жанре тят – ляп... Дантес поставил бы лучше – с отношеньцем!..

Калининградская подлая дурь – от Подола до Черныша и Педерова, и дальше – до сегодняшних мародёров в руководстве театра...

Ну, не может мертвый артист без режиссера – реаниматора играть живого человека!.. А ведь большинство театральных трупп – это же морг!..

– «Всю работу не переделаешь, все деньги не заработаешь!» (из бесполезных разговоров с известным и «очень востребованным» артистом)...

Олег Ефремов в «Кабале святош» – Иван Батист Мольер...

Любите ли вы театр так, как ненавижу его я?!

– Какой он артист?.. Да, никакой! (про популярнейшего!)...

«Эстетика надругательства и глумления» – русская классика в руках латинян и уличной шпаны...

Повсюду – уличный хлам, а не люди Театра!..

Если честно, я принадлежу к третьему, предпоследнему ряду «современной» режиссуры. Впереди – самые модняцкие, «бесстрашные», шокирующие артистов и публику своей отвязанностью от культуры и профессии... Потом следуют режиссеры, умеющие жить, с хорошими связями в верхних этажах власти... И только потом – профессионалы, считающие высшим своим начальством авторов пьес и великих мастеров прошлого – от Шекспира и Чехова до Станиславского и Товстоногова – т. е. чудачки, безнадежно отставшие от времени уличных новаций с гениально писающими актрисами на сцене (как в «Электролампочке» им. Юхананова)...

«Мой Чехов» Зиновьева – он, по своей самонадеянной всеглядности, попытался добыть уголька с высоты птичьего полета... Нет, мои шурфы и штольни намного превосходят его в добыче «на – горА»... А уважаемый А.А. пролетел над Чеховым – как фанера над гнездом кукушки...

То, что раньше называлось профанацией и вампукой, стало вдруг в глазах модняцкой критики современным прочтением «классики» и новым «талантливым» словом в обновлении театра!.. Что это – проявление необратимой апостасийной деградации человеческой культуры или наглая временная диктатура невежественных самозванцев, воспользовавшихся ослаблением религии и государства?.. Божественные великаны прошлого перестали быть объектами поклонения и посильного приближения к ним путем интерпретации их высоких достижений – вечные художественные ценности бросают под ноги и топчутся, и гадят на них по праву, якобы, законных и правомочных наследников всех – всех былых и «когда – то» гениальных времен... И нет силы, кроме осознавшего свой долг государства, чтобы защитить предков и будущее от нашествия новоявленных хамов!..

Феноменально бездарный «член – корреспондент» Академии художеств – о, горе нам!.. А все славословят – «искренне» восхищаются... Это и самохарактеристика, и приговор всей нашей среде – от Академии МВД до Академии художеств и всех кормящихся внутри и вокруг них... Боже, где я жил и живу? – вот она, правда о времени и людях моего времени – стыдно, противно и многое объясняет из прошлого, пережитого в розовом тумане самообмана...

Ефремов задолго до Ельцина сотворил со МХАТом то, что тот – с Советским Союзом – превратил великий театр в пивнушку... И подготовил приход Лёлика из Саратова с его секс – шопом... Пророчество Вампилова об опустошении человеческой души в Зилове (от ЗИЛа!), о начале разрушения страны, воплотилось как пилотный вариант в холостом выстреле неудачного спектакля самого Ефремова в «Утиной охоте» и завершилось нокаутом Театра от «официанта» Табакова...

Н. Михалков за последние 30 лет из ослепительно талантливого и обаятельного человека выродился в ловчака от искусства и бизнеса... На его фоне даже откровенный плейбой Андрон выглядит выигрышной... Вот что посеял и вскормил автор гимнов и басен, любимый автор сталинской детворы и антипод убитого партийными садистами Павла Васильева...

Ильин многословен и тавтологичен – не чувствует слово и фразу, как лучшие – от Розанова до Ницше и дальше, а порой просто раздражающе наивен, даже глуп... Безупречен только его «Разин», но он – из Костомарова... Может, и есть у него шедевры в 10 – ти томах – надо почитать... Пока же – разочарование, будто снисхождение делаю, когда читаю, а это не то, что я ожидал от него и от себя...

Вечер Шушкина в библиотеке иностранной литературы – и там серая пена безвкусицы и глупости, как бесплатное приложение к памяти о талантливом человеке... Множество подлых прилипал – от общеизвестных до абсолютно незнакомых, но каким – то боком причастных. И все, даже достойные, охотно участвуют в этой фальшивке (как например, один уважаемый генерал на вечере театрального «фальшивомонетчика»)...

Андре Жид мало вразумителен в своих рассказах о СССР. И уж совсем неинтересно читать Л. Фейхтвангера – по – моему, он просто отрабатывает миллионные тиражи своих книг в Союзе – наши – то никогда не были дураками, знали на чем ловится какой карась. Да и карась оказался не промах – так что поняли друг друга...

Гончаров – нездоровая одержимость хищника... Безусловно, крупный мастер в своей профессии, но не романтик, не художник, не человек, а всего лишь – театральный людоед... Заставляет работать на себя – автора, актёров, министерство, прессу, само искусство... Тяжелый труд! – и без «дедовщины» тут не обойтись...

Брод ещё раз продемонстрировал свою полную несостоятельность в живом общении, оценках, реакциях и поведении – жалко его и ничем ведь не поможешь... Попытался преподать ему ликбез, но не воспринимает – ни мозгов, ни совести без Бога... Талантливый человек заехал в тупик, где ни окон, ни дверей...

Ильин словно прозрел после потрясений 17 года – проходя через эту пропасть, избавился от либеральной болтовни и интеллигентного заискивания перед толпой... Спасибо большевикам – привели в сознание размечтавшихся самозванных учителей и вождей «народа»...

На отвлеченные книжные темы Чаадаев бывает адекватен и даже умен, но что касается России – лучше бы ему не братья за перо, его мышление становится похоже на ртуть, которая, ну, никак не намазывается на хлеб русской жизни и истории... В гостях у немецких философов он хоть и с краешку стола, но на месте...

Мозг П. Флоренского «испорчен» научностью, переходящей порой в схоластику, а для проповеди и обращения нужны не столько знания и доказательства, сколько чистый сердечный простор и крылья, которыми пророк готов поделиться для полета с тобой...

Арго смотрел на балийские обряды и действия, которые на самом деле не имели никакого отношения к театру, глазами закатного декадента, одержимого сценой и способного видеть её всюду, где её нет и даже быть не может, глазами цивилизованного дикаря, вырвавшегося из тупика европейской рутины, погрязшей в имитации т. н. реальности или в пороках творческого нарциссизма...

Патологический комплекс самоутверждения за счет ближнего, без какой – либо оглядки на себя – жалкое зрелище и типичный конец всех сыночков от великих отцов... Утром помолился и делаю попытку рвануть в Углич – и там причаститься, как умыться...

Заглянув в книгу Дины Рубиной – интеллигентная еврейская болтовня по всякому поводу с вызывающе бездарной «живописью» ейного мужа (откровенно «дневная» её плата) – «а курочку в дом!»...

Драгунская – с безусловным талантом и слухом, сочиняет интересные тексты, и сюжеты с тёплой аурой, и почти вызывающе пренебрегает вечными законами композиции, которые придали бы её таланту больший профессионализм и сценическую востребованность...

Ильин нуждается в жесткой редакции для живущего сегодня социума – он слишком многословен и наивен в текстах, и сильно проигрывает в словесном искусстве Розанову, Николаю Сербскому, Бердяеву и многим другим...

Не смог читать Потебню – слишком эмпиричен, будто зашел в лес по грибы и забыл про дорогу назад, так и не донес корзину с находками до сковороды и обеденного стола... Я прождал напрасно...

Много было писателей, описывающих жизнь с точки зрения океана... Самым океанистым стал Л. Толстой – он, по сути, замкнул собой описательную литературу...

«Иди на Голгофу» – две недели медленного чтения и знакомства с жутким одиночеством в обезбоженном и обезображенном мире авторской гордыни...

Документальный фильм о Мамардашвили (85 и 25) и ни слова о Зиновьеве – что бы это значило?... Явное и многозначительное умалчивание...

Я обманулся в Ильине, в реальной его прозорливости – слишком часто упираюсь в его недалекость с книжно – наивным менторством...

Заглянул в «Цемент» Гладкова – надуманная литературная поделка по заказу (и это во времена гениального Платонова!)

Битов на вечере барабанщика Тарасова – оказывается, быть умным и знаменитым – ещё не значит, уметь отличать своё от чужого (что – то очень скверно и много зачитывал)...

Чаадаев (только не обижайся, Пушкин, за друга, ради Бога!) – это первая Дунька в Европе! – принявшая католичество и начитавшаяся Шеллинга...

Как я обманулся в моих новых «друзьях» – псевдоортодоксы, смесь православности с невежеством, принятая ими за личную святость...

Флоренский лестно о футуристах и прочем мусоре – его дань современной глупости и моде (слаб человек!)...

«Православному» жулику – 70. Посмотрел фильм о его «талантах» с лживыми свидетелями – Чурикова, Ливанов, Соловьёв и личная дружная «пиар – семья»...

Вознесенский из сегодняшнего дня – поэтическая балаболка, заметно уступает даже Евтушенко с Рождественским. Я уж не говорю про Рубцова... А раньше – то казалось!

Ильин – увы, это бесконечное менторство вместо реального исследования, диагноза и конструирования программы созидания...

Мощный мозг Зиновьева имеет одну ахиллесову пяту размером с голову – его безбожие!..

Ильин раздражает частым сползанием к идеализации «демократии» – человеческого стада «себе подобных»!..

«Араб» и «Путешествие» Пушкина – вполне прилично, но не больше, нет, не его это территория...

Зиновьев всюду приблизителен и, как бы, не домысливает – Боженька не дает!..

IV. Выбранные места из переписки с Президентом

Продиктовал «вопрос» Президенту (накануне открытой пресс – конференции):

– Искренне уважаемый Президент, когда Вы найдете время и уделите внимание защите государства не только от внешних недоброжелателей, но и от внутренних болезней и пороков – лучшим лекарем которых всегда была отечественная культура?.. Но она вот уже 25 лет бездумно отдана государством на откуп псевдо – демократическим торгашам и извращенцам... Нацистский майдан у наших соседей стал возможен после 25 – летней порчи народного сознания и исторической памяти, проделанной усилиями враждебных фондов и разведок... Русский богатырь Александр III назвал единственными союзниками России Армию и Флот только потому, что в его царствование не возникало даже сомнений в духовной и внутренней крепости народа, которого безраздельно тогда окормляли и взращивали отечественные Вера и Культура... А сейчас?! – достаточно глянуть на «наши» телеканалы и заглянуть в т. н. «государственные» театры – преобладают вопиющая безответственность, пустая развлекаловка, гниль и срамота!.. Похоже, что ими руководят те же фонды и разведки, что и на Украине... к чему бы это?!.

Когда я вижу на концертах Петросяна, КВН – ах Маслюкова, и им подобных, полный зал счастливых человекообразных – мне хочется сбросить на них атомную бомбу!.. И удерживает меня от этого чудовищного поступка только память о знакомых и милостивых лицах в зале до начала их общения со сценой, перенасыщенной тупостью и бездарностью упомянутых деятелей эстрады... Тогда я начинаю понимать – чья это вина!.. Но сбросить бомбы на министра культуры и соответствующие департаменты избирательно – у меня нет такого высокоточного оружия... Оно есть у Президента, но он безмолвствует – будто это не народ вверенной ему страны так безнаказанно оскотинивают...

Трудно даже поверить в такую метаморфозу с людьми и их реакцию на сценическую похабель, выворачивающую внутреннюю сущность доверчивых и ничего не подозревающих людей до неузнаваемости, до потери человеческого лица, до кишок!.. Что это – нечаянная порча дурью, исходящей со сцены, массовый гипноз бизнес – ловкачей или спровоцированная для пущей демонстрации сатанинская сущность самой публики?.. Так или иначе, очевидна необходимость ответственного вмешательства в сферу публичного искусства с решительной резекцией псевдоавангардистского и деляческого гнилья – крайняя необходимость ответственно – пастырского культивирования здорового и полезного реалистического искусства с его традиционно духовным, нравственным и социальным пафосом. А сегодняшняя культурная политика, вернее, отсутствие ее, с её колено – преклоненной прозападной практикой в сфере воспитания и образования – есть ничто иное, как «дорожная карта», продиктованная предателям России для приготовления из неё бифштекса (а точнее, шашлыка) для грядущего с запада Антихриста...

Как ни прискорбно это констатировать, но только тоталитаризм или крайне авторитарное государство способны пробить толщу народного сознания, свалывшегося до фактуры валенка, от неухоженности и бескультурья, оставшихся нам в наследство от чудовищной порчи XX века...

После возможного, пусть даже относительного, примирения с Трампом Путин обязан повернуться лицом и руками к внутренней, экономической и культурной, политике – иначе он обречен на бесславное падение, которое станет только вопросом времени...

Всем и давно известны две русские беды – но начинать – то надо с дураков, а не с дорог! как это иногда порываются делать правящие дураки! – начинать с мозгов, сердец, с образования и культуры – как это делали все умелые правители – от Петра до Сталина (не будем вдаваться в оценку их личностей и целей, но в уме и умении им не откажешь)...

Жалкенькая группочка русских аборигенов прошла вдруг с молитвой и иконой вокруг памятника Пушкину по территории бывшего Страстного монастыря – выйдя, должно быть, из какой – то подвальной резервации – на фоне огромной и чужой Москвы, оккупированной современными Иванами, не помнящими родства...

Путь развития Новой Государственной Культурной Политики (НГКП) – от «бессмертного полка» и «исторических выставок» (Рюриковичи и Романовы) к постоянно действующим всероссийским Фестивалям искусств и гуманитарных наук («Русский исторический календарь», «Три языка – одна молитва» и т. п.)...

За 30 лет, со времен Рейгана, произошла рокировка между нашими странами – «империей зла» стали Штаты, а Россия подает заявку стать «империей света»... Мешает только зашедшая в тупик наша внутренняя политика – экономика и культура существуют за гранью государственных интересов, будто в другой стране, с другим правительством и президентом...

Государственные деятели или находят свои корни и скрепляют их национальной культурой, или обрекают себя на кратковременное политиканство... Даже Ленин, а потом и его ученички – Муссолини, Гитлер и «прочие шведы», использовали культуру, как эффективный инструмент своей внутренней, да и внешней политики... А великий де Голль начал возрождение своей послевоенной Франции, затоптанной в прах и лежащей в руинах, с приглашения А. Мальро на пост Министра культуры с «президентскими» полномочиями для восстановления её духовного и эмоционального достоинства и защиты от хлынувшей в послевоенную Европу американской помойки... И тогда вдруг возродилась за несколько лет французская Академия «бессмертных», Национальный театр с Виларом и Ж. Филиппом, возник французский экзистенциализм Сартра, Камю, Марселя, замечательная драматургия, «новая волна» с Годаром, Трюффо и т. д... А у нас – стыдно подумать, что творится в министерствах, департаментах, театрах, ТВ, в школах и на улицах!..

Установившееся в последние десятилетия, по каким – то неизвестным или напрочь забытым коммунальным мотивам, железное правило – на всех городских улицах и дорогах, да и повсюду, где вздумается, безжалостно и бездумно уродовать все растущие и тянущиеся к небу деревья – продолжает, по своей сути, гулаговскую «эстетику» уничтожения всего выдающегося по инерции когда – то и кем – то отданного и пропитавшего весь воздух над Россией человеконенавистнического приказа... А ведь убийство каждой состоявшейся личности масштаба Флоренского, Курбаса, Вавилова и бесчисленного множества разновеликих и неизвестных, подобно уничтожению целых вселенных в их лучших и драгоценных потенциалах, призванных Творцом к развитию, украшению и оправданию всего остального человечества перед лицом бездушного и ледяного космоса... Зверский большевистский геноцид собственного народа во имя «небывалого» его счастья в каком – то «небывало» – ближайшем будущем чудовищней и преступней всех гитлеровских лагерей и расовой чистки, организованных нацистами! – в такой оценке я абсолютно солидарен с сегодняшними «пламенными» либерал – антикоммунистами, хотя решительно протестую при этом против их русофобской подмены и прозападной дури во всем остальном...

Народ, как таковой, тяготеет к безындивидуальности и обезличиванию, живет общими инстинктами – и потому выживает, несмотря на все атаки индивидуумов, всегда стремящихся к созданию культа какой – нибудь личности в безликой среде, и получающих иногда этот культ, стремящийся потом уничтожить «волей народа» все остальные личности, и даже отдаленно похожие на таковые (по одному подозрению или доносу, как это было у нас в трагически памятные годы) ... Демократия, народное представительство, власть большинства – это все же лучше, чем власть «всех», т. е. Одного, творящего все беды от имени народа... Вот где зарыта собака современного вождизма и президентства, как профанации традиционного и исторического народовластия во главе с Помазанником Божьим – третьего не дано!..

Био – социо – жизнь человечества никогда не страдала чистотой и совершенством идей – несмотря на множество мифов историков и поэтов... Боже, как безнадежно и отчаянно одиноки в этом мире гении и идеалисты, мечтающие о царстве личностей, о превращении всех тел в духовные сущности, не больше – не меньше!.. «Тела», как бы им ни льстили, сопротивляются этому противоестественному насилию и восстают за свои права быть телами – т. е. не служить всяким прекраснотелным химерам, а использовать свои личные возможности только в сугубо личных интересах, как бы они ни оценивались, ни понимались со стороны и сверху «избранными» властями...

Дурных и неразвитых людей неизмеримо больше, чем умных и одаренных – уже поэтому т. н. «демократия» предлагает порочный и тупиковый путь развития, ведущий к всеобщей деградации и гибели, что и демонстрируют сегодня США с Европой... Только религиозные ориентиры и правила могут способствовать духовному и нравственному развитию обществ и народов... А религия всегда иерархична и авторитарна и делит людей на избранных пастырей и пасомую толпу, на ведущее меньшинство посвященных и подчиняющееся им во благо себе человеческое «стадо»... Россия предлагает восстановить традиционные пути развития наций и совершенствовать их мирное сосуществование. А Запад – обезличивание и нивелировку всех и каждого, всего и вся во всеобщем смешении, стремится пропустить через мясорубку нового глобального законодательства с помощью безапелляционной военной мощи и провонявшей до антихристианского дна либеральной «идеологии», ставшей предпоследней ступенью чело-веконенавистнического тоталитаризма, по сравнению с которым фашизм с коммунизмом покажутся первыми и робкими пробами пера в грядущей деградации человечества...

Многие мои культурологические идеи и проекты опережают настроение и решения правящих институтов и толпы – катастрофически опережают и превосходят их бесплодные и неконструктивные потуги... Моя беда – в моей социальной изоляции и удаленности от рычагов управления процессами в государстве и обществе... Все схвачено и присвоено политической и профессиональной шпаной... Невостребованность таких, как я, заканчивается одичанием среды обитания – красноречива судьба «моих» городов от Иркутска и Тулы до Калининграда, Таганрога, да и Москвы... Казалось бы – ну, кто такой этот неизвестный никому Калантаров, а вот – образовался вакуум, который неизбежно заполняется всяческим социальным гнильем и культурным мусором... Наша историческая беда – в бескультуре наших сегодняшних правителей, да и всех вчерашних тоже, от революционных бандитов до их наследников – кухаркиных детей, которые были готовы заниматься всем сопутствующим – властью, финансами, торговлей, спортом и т. п. – всем, кроме гуманитарных и духовных основ и корней человеческого мироустройства... Даже возможная (помечтаем!) политическая смена т. н. демократической и республиканской парадигмы на монархическую и имперскую не гарантирует замену нагромождения базарных целей на внутренние Божественные ценности...

Я называю Путина и Медведева гномами не из неприятия и неприязни, а сопоставляя их личности с масштабом страны, которой они правят, и катастрофической глубиной пропасти, в которую она уже дважды сваливалась в 17 – м и 91 – м годах... Все по И. Ильину – «демократы», как профессиональные мародеры, выращенные в недрах бандитской партии и жуликоватого комсомола – завершили «дело Ленина» по разрушению и разграблению русского мира... Когда дело было сделано, нашли гномов для охраны награбленного от ограбленного народа и от шакалов, щелкающих зубами из – за бугра... «Пепел Клааса» не стучит в их сердца, и мои надежды, что они вырастут в национальных и исторических вождей, могут оказаться очередным самообманом... Гномы реформируют власть, выстраивают под себя новую вертикаль, сочиняют законы и т. д., не видя, что выполнять их антикоррупционные, модернизационные, инновационные и пр. программы давно уж некому – люди кончились!.. Так что их политические трепыхания, совершаемые со скотским коммунистическим серьезом, похожи на мелкую зыбь в океане, который весь в ожидании очередного цунами от подземного взрыва, на выживание после которого обессиленная русская земля уже неспособна...

Предчувствие глобальной катастрофы становится не только очевидным, но и неизбежным, когда к внешней некрасивости и разобщенности большинства людей плюсуется их вопиющее невежество в понимании личного и общественного мироустройства... Беспорядочная расфокусировка всех индивидуальных умов и сердец перед лицом приближающейся бездны делает людей особенно жалкими и недостойными никакой другой участи... Суррогаты в виде идеологии и политики оказались способными лишь на создание временной обманной иллюзии спасения... Все великие деятели, рано или чуть позже, вынужденно расписывались в своей беспомощности и уходили в небытие под проклятия той же толпы, что накануне кричала «осанна!»... Все известные исторические виды общественного и государственного обустройства жизни пробуксовывали и, в конце концов, тонули в трясине всеобщего непонимания среди навсегда оторвавшихся от общих корней и безумствующих, когда – то Божьих, тварей...

В своей замечательной книге «Самонадеянность силы» великий американский сенатор Уильям Фулбрайт (председатель комитета по иностранным делам при 2—3 президентах США) на вопрос – что может угрожать Штатам в будущем? – ответил самым названием книги и последующим текстом (привожу по памяти) – «наибольшей опасностью для страны становится преувеличенное сознание собственной мощи, которое может завести в тупик и привести к краху»... И эта его мысль прекрасно иллюстрируется современной политикой Штатов, игнорирующей это предупреждение своего политического мудреца... Но нам интереснее другое – эта мысль Фулбрайта рифмуется и с нашими силовыми акцентами во внешней политике при забвении необходимейшей государственной заботы к внутреннему возрастанию духовно – нравственного потенциала страны, её культурного и религиозного восстановления после векового разрушения национальных корней... Тут уместно вспомнить об ещё более древней библейской истине – какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?! До «всего мира», если правильно понимать сенатора, дело никогда не доходит... А вот душа человечества и его будущее рискуют свалиться в пропасть глобального «майдана»...

Толпа обладает мистическим свойством обезличивать и обесценивать каждого прилипшего к ней, но стоит только выделить любого из массы, внимательно посмотреть на него, как бы, в микроскоп, – в любом и каждом проявляется личность, судьба и подобие Божье! И сразу проявляется правота Евангелия с его культом Божества в каждом человеке и вся кривда сегодняшнего обезчеловечивания и обезбоживания в демократической толпе... регрессивная сущность демократизации и либерализации – как на ладони... А историческое прошлое в биб-

лейском, античном, средневековом исполнении и, даже, в монархических эпизодах русского XIX века вспоминается как красивая сказка, как цветной детский и счастливый сон...

Падение профессионализма и царство аферистов с ходячим объяснением всеобщей порчи во всех сферах жизни и деятельности последних 25 лет – «их время пришло!»... Но если смотреть в корень, то честнее сказать – это «они» пришли и сделали таким время – по образу и подобию своему, – когда вконец изолгалась и одряхла бандитская идеология «коммунистических» паханов, из крысиных дыр её номенклатуры повылезали охочие проныры во главе с Ельциным и К° и бросились на захват обессиленной и беззащитной, но ещё живой страны, и скомандовали всем остальным подонкам – «фас! вперед! Присваивайте все, не вами созданное! Все «наше» – твое!»... Так под пиратскими знаменами «рынка» было организовано и осуществлено «разграбление века», растаскана по 17 – ти карманам известной семьи и её подручных вся «общенародная» собственность... Страна была отдана на растерзание новым «завоевателям», ловкачам и прохиндеям, вскормленным на кроваво – хамской каше большевистской диктатуры...

Разрушая все традиционные иерархии, доводя леонтьевское «всеобщее смешение» до крайнего предела, западные либералы – сатанисты осуществляют тотальную нивелировку всего и вся для захвата глобальной власти над денационализированным, бесполом и обезличенным человечеством под антихристианскими знаменами «Свободы, равенства и блядства»... Несчастный гомосексуализм, ставший вдруг сегодня знаменем и частью идеологии современных социалистов, объявил конкретную «политическую» войну не только Божественным, но уже и природным, физическим и физиологическим законам – чтобы стать последним актом самоубийственной истории грехопадения со времен Адама до наших последних, подлейших времен... Безбрежная свобода, провозглашенная и культивируемая просвещенцами – либералами, сделала соучастниками разрушения Божественных ценностей человеческие массы... «Равенство» способствовало всеобщему смешению и хамскому обесцениванию исторической иерархии... Ну, и «братство» (с другим более правильным, уже упомянутым, переводом с французского) – завершает своё «прогрессивное» развитие свальным грехом без каких – либо запретов и табу... Опущенной человеческой биомассой управлять ещё проще, чем стадом баранов, гонимых на убой...

Единственный способ сфокусировать, сформировать и воплотить всеобщую волю к развитию человеческого рода – возможно только через государственное строительство с помощью ясной идеологии, в основе которой лежит национальная история и культура, и железных законов, освящённых традицией... Всякий «либеральный плюрализм» суть распыление энергии и потенциала возможностей, топтание на месте и саморазрушение в спорах и конфликтах, когда крысиная возня сугубо меркантильных личных интересов подменяет собою решение неотложных задач исторического движения... Гигантские внутренние и внешние успехи Сталина и Гитлера объясняются феноменальной консолидацией общественных сил, абсолютной монополией на власть и право, несмотря на преступную ориентацию программ и целей этих вождей, восставших, подобно Деннице, против Божественных заповедей... Иначе и быть не могло с народами и их вождями, отпавшими от Бога, и одержимых строительством вавилонских башен... Но начало этой бесовщины было положено ещё эпохой Просвещения и последующей чередой самоубийственных революций, включая и наш 17 год... Не означает ли это безнадежность любых новых попыток выбраться из трясины исторического опыта и роковую невозможность воссоздать некое подобие утраченного Отчего Дома, воспоминания о котором так сладко терзают воображение падшего человечества?!. Увы, пожалуй, что так... Историческая антиномия неразрешима, и мы обречены на сползание к Апокалипсису...

Все пространство жизни забито доверху откровенными невеждами, идиотами и жуликоватыми самолюбцами – Чехов прав со своей «партизанской» этикой, категорической дистанцией и личной гигиеной – гениальным и оптимальным решением для личной жизни в засранных авгиевых конюшнях человеческих взаимоотношений... Он будто бы внял гениальному совету Щедрина – «живи и удивляй мир отсутствием поступков и опрятностью чувств»... Мои спорадические вылазки в люди сродни культпоходам в привокзальные нужники открытого типа... Я осуждаю политических профессионалов, а их жалеть надо за обреченность работы с «большевиками» из невежд и хамов, которыми кишит русская земля, особенно после «пационарного» выброса из санитарных загонов жизни и свального смешения сословий в 17 – м году... Гибель царственного идеалиста Николая Александровича только подтверждает мрачную и безысходную реальность и участь всех мало – мальски чистых людей... Достаточно взглянуть на ангельские лица своих и чужих детей и те взрослые хари, в которые они превращаются по ходу жизни... Путины обречены на диктатуру или погибель в этом сучьем социуме, который только заигрывает иногда с человеческими словами и Божественными смыслами для обмана окружающих и самооправдания...

За несколько веков научно – технического прогресса столько красивых и любопытных чудес изобрели и понаделали – авто, новые материалы и технологии, самолеты, электроника и т. д. и т.п., но ничего не сделано для улучшения самого человека – он стал несравнимо хуже в своей внутренней, нравственной и духовной сущности – позорные страсти, пороки, агрессия, жадность, эгоизм и т. д. и т. д. И только религия, христианская и др., пытаются создать хоть какой – нибудь противовес (чаще, к сожалению, неумело, а иногда и преступно) всеобщей деградации людей, культивируя внутренние способности и потребности личности, как ответственную альтернативу внешним искушениям... Любые сугубо социальные и политические попытки улучшить человека и общество (коммунизм, фашизм, либерализм и т. п.) закончились и не могут не заканчиваться крахом и катастрофой для человечества, ибо все они провокационно – утопичны и обречены во всякой мало – мальски реальной перспективе...

Поразительно большое число людей, встречаемых в метро и на улице, не внушают ни симпатии, ни доверия... Мне трудно представить их заслуживающими защиты и подвига с моей стороны (я не о детях!) ... Но если окружить их множеством облаком исторического мифа и надличными образами Родины, России, отечественной истории, культуры и религии, они меняют свою непривлекательность на неотразимое обаяние и достоинство, к которым каждый из толпы имел накануне очень условное и, казалось, невразумительное отношение... Похоже, что есть измерение в человеческой жизни, независимое от некрасивости каждого из нас – оно, как Небо, сопутствует нашим грешным шагам по затоптанным путям и по грязному бездорожью...

Все вдруг заговорили о большой войне, как о чем – то совсем самом близком и вероятном, чуть ли не единственно возможном выходе из мирового тупика противостояний, доведенных до неразрешимого абсурда обезбоженной политикой либерального фашизма... Не исключено, что жертвой самоубийственного конфликта станет опять Россия и Европа (на этот раз, вероятно, со Штатами), а выиграет только Азия во главе с Китаем, которые предложат новую шарманку вражды – между идеологическими и религиозными тоталитаризмами (типа коммунизма, исламизма и пр.) ... Обессиленная и обескровленная территория России, Европы и Штатов станет новой добычей перевернутого мира...

В нашей стране я мог бы сделать свой театр и ряд событийных спектаклей только при прямой поддержке Президента – это объясняется катастрофическим засильем в театре асоци-

альных кода, моей слабостью в волевой проходимости сквозь толпу проходимцев, да и уровнем моих творческих притязаний, качественно расходящихся с господствующим большинством театральных приспособленцев... Мне нужен де Голль с его абсолютным доверием и поддержкой или, как минимум, министр Мальро... А без них будет повторяться моя иркутская голгофа и твеновское, вслед мне ушедшему, воспоминание о булочнике, так и не проявившим свой полководческий гений в реальной истории...

Политическое размежевание общества – всего лишь поверхностное и видимое проявление глубинных антагонизмов между озонной природой культуры, индуцированной в человечестве культом Бога, и земными миазмами людских падений, идущих от кривды Князя мира сего... Политика всего лишь заштукатуривает рвущиеся против друг друга эти две стихии, и на какое – то время силою «большинства» это ей удастся... Идеологическое оформление политики – как временно – модное одеяние на раздираемом вечной враждой теле человеческой святости и греха, небесной алгебры культуры и грубого щелканья на счетах земной выгоды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.